

ОТ АВТОРА

Произведение посвящено матери моего друга Владимира Петровича Ширяева.

Многим известны слова белорусской писательницы Светланы Алексиевич: «У войны не женское лицо...». Но сколько женщин воевало во время Великой Отечественной войны, сколько их делило невзгоды с мужчинами? По официальным данным, около миллиона. Санинструкторы, зенитчицы, лётчицы, снайперы, разведчицы, связистки... и танкисты. Да, танкисты! В танковых войсках представительниц прекрасной половины человечества было немного. Всего тринадцать. Их судьбы и истории необычны и по-своему уникальны. Одной из них была бийчанка Нина Ильинична Бондарь (в замужестве Ширяева).

Великая Отечественная война разделила жизнь Нины Бондарь на женскую и мужскую. Она из хрупкой девушки превратилась в отважного и сильного солдата. Нина воевала четыре года, управляла самолётом и командовала танком. За годы войны четыре раза была тяжело ранена, дважды горела в танке. Награждена орденом Красного Знамени, орденами Отечественной войны первой и второй степени, медалями, в том числе Дукельской памятной медалью – от чехословацкого правительства за взятие Дуклинского пере-

вала. Участница Парада Победы в июне сорок пятого года в Москве.

После войны капитан Нина Бондарь сумела вернуть себе «женское лицо». Она вела мирную жизнь. Работала в конструкторском бюро на Котельном заводе в родном городе. Вышла замуж за сослуживца Петра Ширяева. Сын Владимир, майор танковых войск, и дочь Галина хранят память о героической матери.

Только из-за своей редкой скромности эта девушка-танкист из Бийска не была отмечена так, как того заслуживает, – званием Героя Советского Союза.

Вечная слава героям! Вечная память!

1

В кабинете комбрига 237 подполковника Александра Петровича Викторова идёт совещание с участием маршала Советского Союза Жукова.

– Ну что, Александр Петрович, подобрал экипажи для участия в Параде?

– Да, Георгий Константинович.

– Самых достойных?

– Так точно! Сейчас должен прийти один из них.

Перед дверью в кабинет комбрига стоит капитан Нина Бондарь. Решительным движением открывает дверь и входит в кабинет.

– Товарищ комбриг! Разрешите доложить...

Пауза. В стороне стоит сам Жуков, маршал Победы. Нина делает полуоборот в сторону Жукова и обращается к нему:

– Товарищ маршал Советского Союза! Разрешите обратиться к товарищу подполковнику!

– Разрешаю.

– Товарищ подполковник! Капитан Бондарь по вашему приказанию прибыла!

– Вольно.

– Ну что, Нина, решением командования твой экипаж удостоивается почётногo участия в Параде Победы, который пройдёт в Москве.

– Спасибо, товарищ подполковник! Служу Советскому Союзу! – опустив голову, Нина добавляет: – Мне бы в отпуск лучше, к маме.

В разговор вступает Жуков:

– Будет тебе отпуск, и в параде поучаствуешь. Поможем с отпуском? – обратился к комбригу Жуков.

– Так точно, товарищ Жуков!

– Трёх суток хватит, капитан Бондарь? – спрашивает у Нины комбриг.

– Никак нет.

– Почему?

– Мама живёт на Алтае, а это очень далеко.

– Организуйте перелёт капитана Бондарь, – говорит Жуков комбригу.

– Пять суток хватит, капитан?

– На самолёте хватит, товарищ Жуков!

В тот же день Нина получает предписание о выполнении особого задания с подписью маршала Советского Союза Жукова.

В восемь вечера машина комбрига доставляет Нину на аэродром. Она подходит к самолёту, и вдруг у неё щемит сердце. Как давно она не летала! С радостной тревогой поднимается в самолёт.

Из кабины самолёта выходит лётчик:

– Это вы ценный пассажир?

Клава Фёдорова, с которой Нина окончила авиационное училище в Омске.

– Клава! Ты ли это?!

– Я, Нина, я! А мы думали, что ты погибла при перегоне самолётов. «Мессер» тебя подбил, и мы видели взрыв на земле.

– Нет, я успела выйти из пике и выпрыгнуть с парашютом, а фашист врезался в землю.

Они крепко обнимаются.

– Пора лететь. Перелёт будет долгим. Надень куртку, в полёте холодно.

Нина надевает тёплую куртку пилота, кото-

рую подаёт Клава, устраивается на лавке поудобнее и, не дожидаясь взлёта, засыпает.

Во сне она видит отца. Высокий, широкоплечий украинец, предки которого когда-то бежали из Черниговской губернии на вольные земли на Дальний Восток, высоко подкидывал любимую и единственную дочь в небо и приговаривал: «Не смей обижать китайцев!».

Отец был начальником погранзаставы на границе с Китаем на реке Уссури. Часто дети кричали на другой берег китайскому пограничнику: «Соли надо?» Китайцы обижались: они же всё едят без соли. Жаловались отцу: «Зачем маленький мадам говорит: «Ам, ам соли надо?»

В один из очередных отпусков отца Нина поехала с мамой к бабушке в Бийск. Отец по делам службы задержался. В городе их настигла страшная весть: поезд отца сошёл с рельсов, многие погибли, в их числе и отец.

Так она осталась жить у бабушки...

Нина просыпается.

Вспоминает школу и один из жарких майских дней перед сдачей экзаменов на аттестат. В школу пришёл инструктор.

– Есть желающие поступить в аэроклуб?

В последние дни Нине только и снилось, что она летает! Над крышами домов, над городом и над рекой Бией. Земля сверху такая красивая, что плакать хочется. Просыпалась вся в слезах... Несколько человек из класса, в том числе и Нина, записались в аэроклуб. Прошли медицинскую и мандатную комиссии. Началась учёба. Первое время изучали устройство самолёта, затем как им управлять. Нужно было прыгать с парашютом.

Свой первый прыжок Нина запомнила на всю жизнь. Спрашивает инструктор:

– Кто желает?

Парни не торопились и отвечали:

– Мы ещё подождём, присмотримся...

В группе одна девчонка.

– Я! – крикнула Нина.

Её и нескольких ребят бросают прямо в Бию. Падают в реку, парашют накрывает, вода холодная! Спасатели на лодках караулили учащихся и быстро вытаскивали из воды...

Нина начала полёты очень уверенно. Любимая похулиганить в воздухе. Над городом давали зону облёта. Она низко спускалась, летела чуть не по крышам.

Дома бабушка ругалась:

– Черты тебя носят! Ты, холера, чуть трубу не снесла!

Инструктор тоже делал замечание:

– Почему так низко летаешь?

– А мне просто нравится летать! Я чувствую небо! – отвечала Нина.

Как-то, гуляя по берегу реки, Нина увидела, что с высоты стремительно падают два тёмных комочка. Вскоре стало видно, что нижний комочек – голубь. Он спасался от ястреба. Расстояние между птицами быстро сокращалось, и было ясно, что голубю не уйти. Но в последний момент, почти у самой воды, голубь сделал что-то вроде мёртвой петли и увернулся от когтей ястреба. Ястреб чуть не врезался в воду, но ловко взмыл и, упруго размахивая сильными крыльями, полетел над рекой. А голубь уже отряхивался под карнизом дома. «Какой молодчина!» – подумала Нина, не подозревая, что такой же трюк проделает с фашистским самолётом в первом боевом вылете. Но это будет потом. А пока учёба в аэроклубе.

В ночь с двадцать первого на двадцать второе июня тысяча девятьсот сорок первого года инструктор назначил нескольким курсантам, наиболее уверенным в себе, ночные прыжки с парашютом. В их числе была и Нина. Её уже готовили на инструкторскую работу.

Прыгать предстояло на рассвете. Группа курсантов ровно в девять вечера собралась на аэродроме. Инструктор объяснил задание и приказал всем спать. Прыжки назначили на два часа.

Нина долго не могла уснуть. Ворочаясь с боку на бок, она представляла себя в воздушном бою. Ведь в мире неспокойно, недавно завершилась война в Испании, где наши лётчики были одними из лучших.

Только заснула, как раздалась команда инструктора:

– Подъём!

Нина бежала к самолёту, на ходу поправляя шлемофон и протирая ещё не проснувшиеся глаза. Только поднялись в воздух, как сон сам собой улетучился.

Команда «Приготовиться!» – и ребята растворились в темноте. Нина прыгала последней. Как же приятно лететь!

Приземлившись, она увидела, что начался рассвет. Группа курсантов собиралась вместе в ожидании машины, которая должна приехать за ними.

К ним на большой скорости подъехал грузовик, и начальник аэроклуба прокричал:

– Война! Война!

Быстро загрузились в грузовик и поехали в сторону города. Начальник стал объяснять ситуацию:

– Занятия отменяются. Всем курсантам явиться в военкомат. Там скажут, что кому делать. Документы на вас о пройденной программе готовы. Я же сегодня отправляюсь на фронт. Я верю, что вы станете настоящими лётчиками и мы с вами ещё встретимся!

Кто-то из курсантов заметил:

– Долго война не протянется. Наши как дадут! Там такая граница, разве немцы пройдут через неё?!

Начальник аэроклуба почему-то уклончиво ответил:

– Поживём-увидим. Надо исполнять приказ.

За спорами не заметили, как подъехали к военкомату. Толпы людей. Из дверей здания часто выходили командиры, выкрикивали номера команд, и сразу вокруг них образовывался людской водоворот.

Нина со своими товарищами-курсантами кое-как протиснулась в двери здания военкомата. Внутри они увидели деревянную перегородку, стол и за ним командира с тремя кубиками на петлицах. Он кому-то кричал в телефонную трубку. Увидев возбуждённых курсантов, закричал им, не изменив тона в разговоре:

– Куда вы прёте?! Тут военкомат.

– Мы лётчики-курсанты аэроклуба. Пришли узнать, что нам делать.

– Ждите! Мы вас вызовем, – и продолжил телефонный разговор: – Алло, алло! Чёрт бы побрал эту связь, соедини с вокзалом, вокзалом говорю! А вы идите, идите...

В начале августа Нина получила повестку. К ней домой пришёл посыльный, пожилой капитан, показал на лежавшую лётную книжку:

– Бондарь? У вас в ней написано, что можете быть инструктором лётного дела?

– Я умею летать на самолёте У-2 в обычных и сложных условиях, прыгаю с парашютом. Десять прыжков, есть ночные прыжки.

– Вот и хорошо. Есть желание учиться дальше?

– Конечно.

– В авиационное училище пойдёте?

– Хоть сейчас!

– Вот документы. Поезд отходит завтра вечером. Поедете самостоятельно. Желаю всего хорошего.

Капитан попросил расписаться за проездные документы.

Больше всего Нина боялась разговора с матерью. Что ей сказать? Конечно, не все девчонки на фронт идут. Многие стали медсёстрами, уже открываются госпитали в городе. Всем работы эта война найдёт. Мама поймёт, что иначе нельзя. Ведь стыдно будет людям в глаза смотреть. Это всё равно, что можешь оказать человеку помощь и не делаешь этого. Это как сбежать, струсить. Поэтому не стала откладывать разговор.

Мать пришла вечером с работы, Нина спокойно, как о решённом деле, сказала ей:

– Я, мама, завтра уезжаю в военное авиационное училище, буду учиться на настоящего лётчика.

Пелагея Васильевна вздрогнула, но ответила спокойно:

– Ну что ж, Нина, я понимаю. Такая у тебя дорога. Но если пошла по ней, не спотыкайся, не позорь мою голову, не позорь нас с бабушкой.

Проводы были недолгими. Пелагея Васильевна собралась с силами и даже не всплакнула. Только потемнела лицом да седина появилась в волосах.

– Береги себя! – сказала мать, поцеловав Нину на прощанье.

Зато бабушка Дарья плакала, не стесняясь, словно за всю войну выплакивалась разом. Что бы никто не видел, потихоньку трижды перекрестила Нину перед выходом, обняла и пожелала победы!

2

В училище, куда зачислили Нину, была только одна эскадрилья девушек, таких же настойчивых, целеустремлённых, как Нина. Это её очень обрадовало – словно в родную семью попала.

Курсантам училища предстояло освоить самолёт По-2. На нём был установлен пулемёт. Самолёт мог брать несколько бомб малого размера.

Утомляли не полёты, не работа у самолётов. Их готовили как командиров. А для этого надо знать устав Красной армии, строевую подготовку. В общем, предстояло в самое короткое время стать командирами.

В октябре состоялся первый выпуск командиров-лётчиков. Нине присвоили звание – младший лейтенант. Дали красивую лётную форму. В этот же день они выехали в распоряжение командующего военно-воздушными силами Западного фронта под Москву.

В штабе поставили задачу перегнать самолёты с одного аэродрома на запасной. Старшим в группе назначили майора, очень неразговорчивого, чем-то чрезвычайно озабоченного. Надо было ехать километров пятьдесят на поезде.

Прибыли на вокзал. Майор, как сели в вагон, так сразу и уснул, наказав девушкам разбудить его через час.

– Трое суток не спал, – извиняясь, сказал он.

Девушки притихли. Разговаривали шёпотом, больше молчали. Очень тревожная обстановка. Ждали налёта немецкой авиации. Но пронесло. Доехали спокойно. А вот разбудить майора, когда остановился поезд, долго не могли. Дали уже отправление, а майор всё спит.

Нина решилась:

– Клава, девчонки! Берите под мышки, за ноги, вынесем.

Клава, землячка из села Алтайского, душевной теплоты человек, вместе с другими девушками вынесли майора на улицу.

Ночная прохлада, морозящий мелкий дождь мгновенно разбудили майора.

– Ну молодцы, девчата. Бежим. Тут до аэродрома недалеко. За мной!

И они побежали по еле приметной лесной тропинке. Наверное, с час бежали с небольшими передышками, держась друг за друга, и удивлялись, как майор в кромешной тьме находит дорогу.

Майор привёл девушек в какой-то барак. Внутри горел свет, было тепло и сухо. В бараке жила охрана – пятеро бойцов.

– Лётчикам спать! Вылет на рассвете. Красноармейцам приступить к охране! – скомандовал майор.

А когда настроились на сон, девушки явно услышали отдалённый могучий гром, будто кто-то огромной колотушкой бил в столь же огромный лист железа.

«Артканонада», – догадалась Нина, она только перед самым рассветом забылась и видела какой-то сумбурный сон, вроде как бы вновь пережила последние дни, полные волнений, тревог...

Чуть свет майор поднял всех, раздал банки консервов, сухую колбасу.

– А хлеба нет. И сухарей нет. В самолёте есть энзэ – шоколад. На всякий случай. Задача такова: быстро проверить моторы, исправность

самолётов и доложить о готовности к вылету. На всё пятнадцать минут. Самолёты заправлены.

Наскоро перекусив, девушки потянулись к выходу.

– Девчонки! Надо спешить! – крикнула Нина.

Укрытые ветками, на опушке леса стояли совершенно новые, без единой царапинки самолёты.

– Ой, какие они чистенькие. Конечно, жалко такие бросать, – переговаривались девчата.

Они забрались в кабины, опробовали рычаги, проверили приборы – всё-всё до последнего болтика новенькое, блестящее.

Нина проверила работу своего двигателя. Заглушила. Начала проверять пулемёт и обнаружила: патронов нет.

Ринулась к майору:

– Товарищ майор! А где боекомплект?

– Быстрая ты! Фамилия?

– Младший лейтенант Бондарь!

– Какие у вас отметки по стрельбе?

– У меня по всем предметам отлично!

– Видите крайний самолёт?

– Так точно!

– В нём есть боекомплект. Проверяйте его – и на построение.

Нина побежала к машине. Запустила двигатель. Проверила его на разных режимах. Работает отлично. А главное, есть патроны.

Девушки выстроились в одну шеренгу. Поочередно доложили о готовности к полёту и отсутствию боекомплектов.

– Слушай приказ, – объявил майор, – нашей эскадрилье приказано перебазироваться в район Рязани. Маршрут: наш аэродром – юго-западная окраина Москвы – Серпухов – Рязань. Я иду головным. Младший лейтенант Бондарь замыкающей, так как только в наших самолётах есть боеприпасы. В случае налёта авиации противника рассредоточиться и следовать самостоятельно. А мы вас с Бондарь прикроем. Взлетать в порядке очередности строя – слева направо. По машинам!

Машина майора взлетела с коротким разбегом. Видно было, что управлял ей опытный пилот. Девчонки взлетели не так уверенно.

Нина подняла свою машину быстро и легко. Очень радовало, что машина хорошая, послушная. «Ну вот и первый боевой вылет», – подумала Нина.

Ровно пел мотор. Проплывали под крылом леса, деревни, дороги. По дорогам шли танки, автомашины, пехота. Строй самолётов выров-

нялся. Летели клином, как журавли. Майор держал высоту не более трёхсот метров. Нина поняла его манёвр: в случае опасности легко перейти на бреющий полёт. Те, кто побывал в боях, в училище рассказывали: это лучший манёвр при встрече с немецкими самолётами.

Примерно через час полёта Нина заметила в небе серебристые точки самолётов. Она насчитала более сорока штук. И вдруг от них отделились две и ринулись навстречу тихоходной девичьей эскадрилье.

Вот уже видно, что это немецкие истребители. Они не сворачивали, не сбавляли скорость, словно проверяли на смелость и выдержку. Нина вспомнила кинофильм про Чкалова, где показан учебный воздушный бой, когда пилоты не хотели друг другу уступить и чуть было не столкнулись. Вот и эти пугали.

Нина сделала манёвр и направила самолёт в сторону впереди идущего вражеского истребителя. «Ещё немного, ещё чуть-чуть, – пронеслось в голове Нины. – Пора!» И жала на гашетку. Немец загорелся. «Где же второй?» А второй был сзади Нины. Догнал её. Нина перевела самолёт в пикирование. Чем-то больно ударило по ногам. Кое-как вывела самолёт из пикирования. И почему-то вспомнила голубя над рекой, который спасся от ястреба.

Снизу прозвучал страшный взрыв, из-за которого самолёт Нины начал терять высоту. Не чувствуя левой ноги, Нина вывалилась из кабины самолёта, парашют раскрылся, но не полностью. Высоты не хватило. Удар о землю. Нина потеряла сознание.

Подроспевшие солдаты подняли Нину и понесли в санитарную машину.

Очнулась она в госпитале.

– Что с ногами? Они не двигаются, – спросила Нина у подошедшего врача.

– У вас пулевое ранение левой ноги и перелом правой. Мы её собрали по частям. Ходить сможете.

– А летать, летать я смогу?!

– Летать – нет. А в медицину, радистом – пожалуйста.

– Нет, только на фронт, – возразила Нина и, уткнувшись в подушку, тихо заплакала. Думала, что она сильная, сможет вернуться в авиацию, несмотря на запреты врачей!

Ребята, которые уже успели побывать в боях и сами сейчас находились в госпитале, предложили Нине записаться в танковое училище, куда

шёл набор добровольцев. Сначала она боялась, что девушку туда не возьмут, но они настояли и написали патристическое письмо на имя самого Сталина, приложив к нему список желающих учиться в танковом училище. Была в этом списке и Нина. Помогла ей украинская фамилия Бондарь. Скорее всего, никому и в голову не пришло, что это девушка. Даже в госпитале, когда в документах видели «Н. И. Бондарь», часто писали Николай.

Перед самой выпиской в палату, где лежала Нина, вошёл суровый военный.

– Кто из вас младший лейтенант Бондарь? – спросил военный.

Нина, опираясь на костыли, бодрым голосом ответила:

– Я!

– Девушка?

– Так точно!

– За мужество и героизм, проявленные в воздушном бою, Указом Президиума Верховного Совета СССР награждается орденом Красной Звезды Бондарь Н. И.! – И вручил Нине коробочку с наградой.

– Служу Советскому Союзу!

– Если все будут так воевать, как товарищ Бондарь, мы скоро победим врага, – подытожил суровый военный.

3

Нину вызвал начальник резерва комсостава фронта, куда её отправили после госпиталя.

– Младший лейтенант Бондарь, сегодня же получите в штабе проездные документы в Москву, в Главное управление бронетанковых войск. Ваше ходатайство удовлетворено.

В Москве она долго плутала по улицам, пока разыскала управление кадров бронетанковых войск.

Начальник отдела – подполковник, с утомлёнными, покрасневшими от бессонницы глазами, долго читал её личное дело.

– Почему вас списали из авиации?

Хотела огрызнуться, что в личном деле всё написано, но сдержалась.

– Из-за ранения. Сейчас всё прошло, я совершенно здорова, товарищ полковник, – забеспокоилась Нина, ожидая отказа в её просьбе.

– Вы танковую службу представляете?

– Так точно, я умею водить и трактор, и автомобиль...

– Это ещё не всё, что нужно.

– Я понимаю, но я ничего не боюсь и не прошу ничего, кроме возможности учиться и пойти в бой. Как вы не поймёте?

– Успокойтесь. Всё понимаю, но если вы силы свои не рассчитали? А ведь вам будут доверены люди, техника.

Нина сжала губы, чтоб не сказать какой-нибудь резкости. Ему-то чего бояться? Сидит здоровый, чистенький, в тёплом сухом месте и рассуждает об опасности, об ответственности.

Подполковник встал из-за стола, одёрнул гимнастёрку и, сильно прихрамывая на левую ногу, пошёл к выходу, приказав Нине:

– Идите за мной.

Они вышли из здания. У подъезда уже стояла легковая машина. Подполковник распахнул дверцу.

– Садитесь.

Когда Нина села, подполковник с трудом разместил свою негнущуюся ногу.

Долго ехали по вечерней затемнённой Москве. Подполковник всю дорогу молчал. Нина не решалась спросить, куда они едут. Тайно надеялась, что к товарищу Сталину, и очень трусила. «Что я ему скажу? Скажу: «Товарищ Сталин, поверьте, честное комсомольское, всё выдержу. Я не боюсь никакой работы...»

27

Вспомнилось, как провожали ребята из резерва, многие из них уезжали в Саратовское танковое училище и ей наказывали, чтоб туда же просилась. Ребят очень удивило, как она осмелилась написать письмо Сталину.

Отшутилась:

– А он мне дядя, потому и вызвал в Москву.

К её удивлению, кое-кто поверил и даже позавидовал. Улыбнулась про себя.

Машина остановилась возле подъезда высокого здания. Разделись в гардеробе. Подполковник внимательно со всех сторон критически осмотрел Нину.

– Ничего, сойдёт, – подвёл он итог осмотра, – не на бал. Война...

Нина мысленно похвалила себя: как бы трудно ни было, а успела привести себя в порядок.

– Обстановка такова, товарищ Бондарь, – сказал подполковник, – сейчас с вами будет беседовать маршал Ворошилов.

– Ворошилов?!

И вопрос, и удивление, и чуточку разочарования уловил подполковник в этом возгласе.

– О чём говорить-то?

– Ну там видно будет.

Они поднялись по широкой лестнице на второй этаж, прошли длинным коридором.

– Вот. Это приёмная. Да ты не тушуйся, – неожиданно перешёл на «ты» подполковник. – Климент Ефремович не любит тух-матюх. Смелее.

Нина глубоко вздохнула. Так она всегда делала, когда решалась на что-нибудь отчаянное.

За высокой дверью её встретил моложавый полковник, он кивнул, подошёл к двери и, открыв её, сказал Нине:

– Сюда входите. Маршал ждёт вас, товарищ Бондарь.

Нина увидела в глубине просторного кабинета массивный стол и за ним Ворошилова, пошла строевым шагом, чуть прихрамывая на раненую ногу.

Маршал вышел из-за стола, дождался, когда Нина отчеканила слова рапорта, и, спокойно улыбаясь, тихо произнёс:

– Вот вы какая! Проходите. Садитесь, – он показал на мягкое кресло.

Нина села и только тут перевела дух. Маршал не сразу заговорил. Он посмотрел Нине прямо в глаза. Она не отвела взгляда и улыбнулась. Улыбнулся и маршал.

– Ну и задали же вы работы нашим кадровикам!

Только теперь Нина разглядела маршала. Точь-в-точь как на портрете. Только роста небольшого, чуть повыше её, да седины много. А глаза молодые, улыбочивые. Не приходилось ей разговаривать даже с генералами. А тут маршал, да ещё какой! Ворошилов!!! «Напишу маме – не поверит».

– Рад познакомиться с вами, товарищ Бондарь. Ваша просьба удовлетворена. Будете учиться в танковом училище. После окончания будете командовать танком, а дальше – как сами себя покажете. Пока вы первая девушка-танкист в Красной армии. Понимаете, что это значит?

– Климент Ефремович... Товарищ маршал, – взволнованно ответила Нина, – я всё-всё понимаю. Честное комсомольское слово, вы не услышите обо мне ничего плохого. Никогда. Я обязательно до Берлина дойду!

– Ну-ну. Прямо уж и до Берлина. Пока вот врага только от Москвы отогнали. Но это хорошо, что вы так убеждены в победе. Если встретите какое-нибудь непонимание со стороны командования, а это очень даже может быть, дайте знать. В то же время не ждите особого к себе отношения.

– Что вы, товарищ маршал. Спасибо за всё, – Нина поняла, что беседа окончена. Поднялась.

– Разрешите идти?

– До свидания, товарищ Бондарь! Успеха вам и удачи в бою!

Командир учебной танковой роты, когда ему сказали, что в его роте будет учиться девушка, нагрубил начальнику строевой части и в тот же день получил строгача, а вечером с курсантами торопливо оборудовал в казарме место под жильё для необычного ученика.

Курсанты, в основном парни Нинино же возраста, шептались за её спиной, в строю похохатывали. Первое время она отмалчивалась, присматривалась. А когда присмотрелась, на первом же комсомольском собрании высказала всё. И добавила под конец:

– Посмотрим ещё, кто из нас будет настоящим танкистом.

Ребята сидели красные от стыда и не знали, что сказать.

Секретарь комсомольской организации Витя Петров выручил всех.

– Ты, Бондарь, нас извини. Больше этого не повторится. Верно я, ребята, говорю? А насчёт соревнования правильно сказала. Давайте посмотрим, кто кого?

Потом много раз он вспоминал эти слова.

Непросто, оказалось, угнаться за этой девчонкой. На спортивных снарядах она как птица летает, особенно на брусках, бегают – не догонишь. А о грамоте говорить не приходится – в школе училась отлично. Ну а потом узнали ребята и про аэроклуб, и про воздушный бой, за который она получила орден Красной Звезды. Недели через две после комсомольского собрания они с Витей в парке приводили ходовую часть танка в порядок. Во всей танковой службе это самое муторное и трудоёмкое дело. Гусеница танка расчленяется на траки, и из каждого трака надо выбить спрессованную до крепости камня грязь. И ковыряют её, и кувалдой бьют.

– Вот же оказия, чтоб они сгорели! – ругался Витя, стараясь кувалдой выбить грязь из выемок в траке. – И на кой чёрт кому эта чистота нужна? Ну в моторе бы, а то железо голимое. В бою не до них...

– Устал? Дай я постучу, – предложила Нина.

– Ладно тебе! Не твоя забота, ты лучше ну-три всё прибери, это по твоей части.

– Витя, ты в настоящем бою был?

– Да как сказать, Нина, отходили мы. Командир сказал держать оборону. Ну и держали. С места огонь вёл. Ты же знаешь эту пуколку – со-рокапятку? Ею только мух гонять, а не танки. Вот у тридцатьчетвёрки пушка как пушка. Ну высмотрел меня фриц и выстрелил. Будто вот такой кувалдой по башке кто огрел. Вытащили меня ребята из машины, кое-как до своих добрались. Вот и весь бой. А к чему ты спросила?

– Смогу ли я? Вдруг струшу.

– Конечно струсишь. Первый раз все трусят. Ни черта же не видно. Хорошо, если попадёт механик-водитель толковый. У нас был так себе парень. Тракторист недавний, какой с него спрос. Он и о танках-то едва слышал... Ну и угораздило же тебя в танкисты. Уж лучше бы в зенитчики. Там хоть служба чистая. А тут – беда. К девчатам не сходишь: за версту соляжкой, мазутом несёт... Нина, я всё хотел спросить тебя, жених у тебя есть?

– Нашёл заботу, – Нина опустила через люк в башню танка, и разговор сам собой прекратился. Но не забылся. Недаром же покраснела Нина при вопросе Виктора. Потому и нырнула в люк.

Вспомнила аэроклуб, Бийск. Как это было давно! Словно во сне, словно не с ней. Нет, женихов у неё не было. И не станет до конца войны. В это она верила. Она будет командиром-танкистом. Задумалась, протирая ветошью пушку, прицел. Но почему она от дружбы бежит? Это же совсем другое дело. Сама себе монастырь создала. Парни – всей душой, а она как коза ди-кая. Ну дурёха!

Виктор – земляк, он из Рубцовска, небольшого городка на Алтае, и стал первым другом, товарищем. Ребята из взвода между собой договорились освободить Нину от тяжёлой работы. Она это заметила и взяла на себя другую нагрузку – помогала всем в теории, изучении техники. Моторы знала ничуть не хуже преподавателей, и ей даже поручали, особенно в часы самоподготовки, проводить занятия по устройству моторов или теории артиллерийской стрельбы, где очень важно знать математику.

Однажды, ещё в начале учёбы, Нина замешкалась в башне танка, приводя после рейса танк в порядок, и услышала разговор.

– Ну как твоя курсистка? – спросил один голос. Узнала – командир батальона.

Ответил командир роты:

– Наплачемся мы с этим танкистом в юбке, – и добавил ещё что-то.

Нина не сдержалась. Поднялась резко из люка.

– Товарищ капитан, и вам не стыдно? Я делаю всё, что делают курсанты, и даже больше. А вы... Мало мне приходится терпеть от курсантов, так ещё и вы...

Командиры смутились, оба покраснели. Первым опомнился комбат.

– Капитан Третьяков, извинитесь перед курсантом Бондарь.

Капитану ничего не оставалось делать.

– Извините, товарищ курсант Бондарь. Нехорошо получилось.

А командир батальона добавил:

– За нетактичное и грубое поведение по отношению к девушке объявляю вам, капитан, выговор.

– Есть выговор!

Нина, не спросив уставное «разрешите идти», отошла от танка.

Командиры были мужчины молодые, здоровые. Их недавно отозвали с фронта передавать курсантам боевой опыт. Оба горели в танке, чудом спаслись, и оба больше всего ненавидели эту тыловую службу. После трёх месяцев работы в училище подали рапорт об отправке на фронт. Начальник училища даже разговаривать не стал с ними, а написал на рапортах резолюцию: «Мальчишки!». А теперь ещё этот танкист в юбке укоряет. Оба готовы были провалиться сквозь землю. Хорошо ещё, что никто не слышал разговора.

В училище Нина узнала, что такое танк. Здесь были разные системы машин: Т-28,

БТ-7, БТ-70 и даже старый малютка Т-27, с одним пулемётом, скорее броневомобиль, только на гусеницах. Совсем недавно училище получило новые Т-34, которые теперь заменяли средние танки. Ради него и проходили учёбу курсанты. Войска получали таких машин всё чаще, а использовать по-настоящему было некому. Не хватало командиров.

Этот танк казался Нине самолётом, только без крыльев. Такая у него была обтекаемая устремлённая вперёд форма, внутри для экипажа созданы удобства почти как в самолёте. Переговорное устройство и радиосвязь есть.

Командир роты для всех курсантов училища показал боевые возможности танка. Он на большой скорости гонял по пересечённой местности, разворачивал на триста шестьдесят градусов, нырял в котлованы с водой. Мокрый, словно

конь в мыле, танк вылетал с рёвом наверх, снова нёсся по полю, стрелял из пушки по мишени с ходу, с остановки.

– Вот это машина! – восхищались курсанты.

Каждому не терпелось сесть за рычаги. Но преподаватели, командиры рот, взводов, не топили события. Политзанятия, тактика, строевая, стрелковая, химическая и ещё целый десяток боевых дисциплин значились в расписании.

Молодые курсанты, кто ещё не был в боях, с нетерпением ждали конца учёбы. А те, кто в училище пришёл с фронта или из госпиталя, не спешили и другим не советовали спешить. Они знали: войны с лихвой хватит на всех, надо только хорошенько овладеть новой техникой.

Весной сорок второго программу подготовки значительно сжали. Остались главные дисциплины: тактика, вождение танка, стрельба из танковой пушки и пулемёта.

Под конец учёбы, в холодный мартовский день, с Ниной приключилась беда. А может, и не беда... Командир роты приказал ей сесть на место механика-водителя во второй танк и следовать по маршруту танкодром – училище. Первый танк вёл сам командир роты. В третьем ехал за водителя заместитель начальника училища подполковник Золотарёв.

На танкодроме командир взвода поставил Нине оценку «хорошо», похвалил за аккуратность при вождении, преодолении препятствий, но предупредил, что надо быть более решительной.

– Раздумываешь, Бондарь, долго. А в бою на это времени нет.

– Да я не раздумываю, товарищ старший лейтенант. Рычаги не отождмишь. Смазка загустела. Надо бы отогреть. А то можно заехать куда-нибудь.

– Какая там смазка! Другие же водят.

Нина закусила губу: «Опять... Ладно...» И пожалела, что не настояла на своём.

При спуске с невысокого косогора почувствовала, что танк стал неуправляем. Заклинило рычаги поворотов, не слушался ногу рычаг подачи горючего. А внизу под склоном – поворот влево, и недалеко от поворота чуть видна из-под снега крыша избушки. Это окраина небольшой деревушки.

Ни остановить танк Нина не может, ни повернуть. Валенком стучит по педали главного фрикциона, тянет изо всех сил двумя руками левый рычаг. Пот заливаает глаза.

Командир танка кричит над головой:

– Газ сбрось! Слышишь? Да тяни ты рычаг!!! Как будто Нина не знает, что делать.

Танк перемахнул по прямой через небольшой кювет, зарылся в глубокий сугроб, подняв облако снега. И врезался в угол избушки.

Не снег бы, который смягчил удар, от избушки осталось бы одно воспоминание. В ней хозяйка, ветхая старушка, у печки разжигала самовар да так и замерла, когда что-то грохнуло над головой. Посыпалась земля с потолка. Потолочная балка упала на печку. Тем и спаслась старушка от смерти.

– Свят-свят! – крестилась она. Так и нашли её курсанты у самовара.

Нина вместе с командиром танка с трудом завела машину, включила заднюю передачу и развернула её к дороге.

А у избушки уже народ деревенский собрался. Старушки причитают да ахают. Когда подошла Нина, хозяйка избушки уже в себя пришла. Не кричала, не плакала. Она в такой же, как сама, ветхой шубейке стояла около избушки, скорбно глядела на дела Нины, и скупые слезинки скатывались по морщинистым щекам.

Нина подбежала к ней.

– Бабушка, простите меня. Это я виновата. Не смогла повернуть танк.

Старушка изумлённо посмотрела на Нину.

– Никак девка? – спросила старушка.

– Ну да...

– Это что же, мужиков нет, что ли? – сердито, сильно окая, спросила старушка у всех. – Девку в такую машину посадили. Где ж ей... Что же ты, девонька, села туда, если не могёшь...

– В чём дело? – раздался громкий хриплый голос.

Нина обмерла. Это заместитель начальника училища подполковник Золотарёв.

Командир танка доложил:

– Товарищ подполковник, водитель Бондарь не справилась с управлением, и вот, – он показал рукой на свороченный угол избушки.

Подполковник обошёл избу, взглянул на угол.

– Ну что, хозяйка, будем делать?

– Да делать-то нечего. Избушке сто лет. Она была такой же старой, когда я замуж выходила. Уж не о ней жалеть. Да вот беда, жить-то негде. Куда я теперь? Два сына на войне. Да эвакуированные у меня квартируют, невестка с детьми. Вот беда-то.

– Ладно, бабушка, не расстраивайся. Пока соседи тебя примут. Отремонтруем мы тебе

избу. В воскресенье как новая будет, – подвёл итог подполковник и скомандовал курсантам: – По танкам!

Курсанты разбежались, остановились у люков.

Подполковник подошёл к Нине. Она и командир танка стояли навтытяжку возле чуть слышно гудящего танка.

– Что произошло, курсант Бондарь?

– Смазка замёрзла, заело рычаги поворотов.

– Ну-ка, попробуем.

Подполковник ловко нырнул в люк танка. Танк рывками проехал несколько метров. И вскоре голова полковника в шлеме показалась из люка.

– Командиров роты и взвода сюда!

Нина побежала. Командир роты уже, наверное, подъезжал к училищу, не обратив внимания, что танки отстали.

Командир взвода бежал к танку и на ходу отчитывал:

– И как тебя угораздило? Заварила кашу.

Подполковник уже вылез из танка. Он, не выслушав рапорта старшего лейтенанта, жестом показал:

– Садись и веди танк в училище. Бондарь – в мой танк за водителя!

Этого она не ожидала, но не растерялась. Бодро ответила:

– Есть! – И побежала к танку подполковника.

– По местам! – скомандовал подполковник.

Курсанты заняли свои места в танках.

Нина вопросительно посмотрела на подполковника.

– Поведёте танк до города.

– Есть.

И быстро, словно мышка, юркнула в люк. Попробовала рычаги. Действуют. Стрелок-радист забрался в командирский люк. Подполковник сел на место стрелка-радиста.

– Вперёд! – скомандовал подполковник.

Нина уверенно, по всем правилам вождения поехала. Понимала – это для неё самое серьёзное испытание, экзамен из экзаменов. Дорога петляла между сугробами, во многих местах была переметена. Непросто по такой дороге вести танк. Но тот, кто водил самолёты, не терялся в обстановке, где любая ошибка стоит жизни, не терялся и в танке. Вначале вела осторожно, расчётливо, примериваясь к его характеру, рычагам управления. А как только освоилась, прибавила газу. Ждала, что подполковник одёрнет её, а он

молчал. И тогда Нина рискнула. На полной скорости она пронеслась по сравнительно прямому участку дороги, удачно вошла в повороты. На одном из них подполковник жестом руки показал на снежную целину. «Прямо!» – поняла по губам его команду.

Нина повела танк по глубокому снегу. Если смотреть со стороны, танка не видно. Несётся снежный ревущий смерч. Вот он делает резкий, почти под прямым углом поворот и снова гремит, поднимая столб снежной пыли.

– Молодец, курсант Бондарь, – сказал подполковник Нине, когда она точно, с первого захода, поставила танк в парк училища в общий ряд со всеми. – А избушки всё-таки надо объезжать стороной.

– Есть объезжать! Разрешите вопрос?

– Слушаю.

– А как же наш командир взвода? Тот танк не управляем.

– Это уж моя забота. Ремлетучка за ним пойдёт. Можете быть свободной.

Нина побежала к подходившим в парк машинам роты. Там её увидел капитан, командир роты.

– Вы почему здесь?

– Я вела машину подполковника. Он приказал.

– А где же ваша?

– Моя – там, – неопределённо махнула рукой Нина. – В снегу застряла. Подполковник послал туда ремлетучку.

– Авария, что ли?

– Нет, замёрзло всё, надо отогреть. Я дом свернула.

– Какой ещё дом?.. Эй ты! – закричал на входивший в ворота танк капитан. – Ну и мазила! Я до тебя доберусь. Куда? – капитан побежал навстречу и начал жестами показывать водителю дорогу.

Уже поздно вечером пригнали отставший танк. Командир взвода до того устал за день и промёрз, что даже домой не смог уйти. Он зашёл в канцелярию роты, чтобы отогреться, да там и заснул на стуле, не сняв ни телогрейки, ни ватных брюк, ни валенок.

Утром следующего дня подполковник перед всеми курсантами батальона сделал разбор происшествия.

– В чём ошибка курсанта Бондарь? – спросил он и сам ответил: – В принципиальности. На неисправном танке нельзя в бой идти, нельзя

сделать даже сотню метров. Это её счастье, что всё обошлось без человеческих жертв. Помните: в бою нужен танк исправный. Не сумели подготовить его вовремя – доложите, но в бой идти не смейте, иначе вы и машина станете добычей врага, если даже вы и овладеете мастерством вождения танка, как овладела им курсант Бондарь. Да, товарищи, курсант Бондарь сейчас одна из лучших в училище по вождению танка и по стрельбе. Пусть будет стыдно тем курсантам, которые имеют двойки-тройки... Курсант Бондарь, выйти из строя!

Нина вышла, повернулась лицом к курсантам. Все смотрели на неё. Она опустила глаза, смущённая похвалой.

– Посмотрите, товарищи, на курсанта Бондарь. Посмотрите и расскажите всем, что вы служили вместе с Ниной Ильиничной Бондарь, бывшей лётчицей, ставшей танкистом. И я горжусь, что вчера она вела танк под моим командованием. Я уверен, что и в бою командир Красной армии Бондарь будет высоко нести честь и славу нашего танкового училища.

А Нина стояла пунцовая от смущения. Всё-таки нашлась сказать:

– Служу трудовому народу!

Когда встала в строй, Витя Петров шепнул:

– Дай пять, пожму твою геройскую руку.

– Иди ты! И так хоть сквозь землю проваливайся: расхвалил, куда там – герой. Дом свортила.

– Ты помолчи. Он сказал то же, что и мы думаем, – шепнул Витя.

– Разговорчики! – крикнул командир роты.

В начале июня тысяча девятьсот сорок второго года ускоренным темпом были проведены экзамены курсантов. Как объяснил начальник училища, войска получают новые танки, а танкистов, умеющих ими владеть, мало.

Нина по предметам получила пятёрки и четвёрки. Пятёрок больше. Ей и ещё трём курсантам было присвоено звание лейтенанта. Остальные аттестованы младшими лейтенантами, командирами танка Т-34.

Выпускного вечера не было.

4

Перед отъездом на фронт ребята, кто успел завести знакомства среди городских девушек, устроили вечеринку с танцами. Пригласили и Нину. Потом она пожалела, что пошла. Своим видом, а обмундировали курсантов с иголки,

Нина ввела в смущение девчат: получилось вроде бы – вот, дескать, как надо поступать в военное время. Командирская форма будто специально создана для Нины. Курсанты привыкли видеть своего старшину в брюках, в курсантской застиранной форме, разношенных сапогах. Словом, была как все, не выделялась ничем. Кое-кто даже начал забывать, что их старшина-то женского пола. А тут на вечеринке удивились. Нина была неузнаваемой. Чёрная пилотка на тёмно-русых волосах, габардиновая гимнастёрка с отложным воротничком, петлицы с лейтенантскими кубарями, португеза, кобура сбоку и чёрная аккуратная юбка. Парни невольно косились на её высокую грудь под гимнастёркой, стройные сильные ноги в хромовых сапогах.

Не получилось вечеринки. Девчата загрустили, заскучали и засобирались вскоре по домам, парням же хотелось побыть вместе. Встретятся ли теперь когда? Едут в огонь войны. Туда дороги широкие.

Нина поздно поняла свою промашку. Но ей тоже хотелось побыть вместе со своими. Это же её ребята! Встретит ли она ещё такую же бескорыстную дружбу? Разве она не видела, как они вместо неё подставляли свои плечи, делили её груз на всех, ограждали от обид.

32

Нина налила в рюмку вина и попросила:
– Тише, ребята! Дайте я на прощание скажущу, как смогу.

Все затихли.

– Ребята, дорогие мои товарищи. Мне сегодня очень, очень хорошо оттого, что я всех знаю, со всеми училась, и очень грустно, что мы расстаёмся, может быть, навсегда. Но я хочу, чтобы мы все оставили в памяти вот этот не очень весёлый вечер, и наше танковое училище, и нашу дружную роту. Я хочу выпить за победу, чтобы мы все вернулись домой, чтобы вы встретили своих девушек.

Нина пригубила рюмку, закашлялась с непривычки.

– Пойдём, Витя! Проводи меня, если ты свободен.

До самого КПП училища шли молча. Нина ждала особенных слов от Виктора и знала, что оборвёт его, но всё-таки ждала. Любила ли она его? Нет. Нисколько. Просто привыкла. Он очень красив, не очень умён, не хватает, как говорится, звёзд с неба. Он был вроде защиты от соблазнов. Многие удивлялись их дружбе. Виктору завидовали.

Возле КПП Витя замедлил шаги.

– Не торопись, Нина. Давай постоим. Ты на юг едешь, а я под Калинин, ясно, что больше мы не увидимся. Если только после войны. Рядом ведь живём. Я бы мог тебе, Нина, рассказать, как я тебя люблю и как я тебя уважаю. Но знаю, не для тебя эти слова. Верно ведь?

Нина не ответила.

– В общем, ты сама всё знаешь. Все ребята в тебя влюблены, и я не знаю, чего сказать. Можно тебя поцеловать?

– Ой, Витя, чудик ты мой преданный, – засмеялась Нина и сама поцеловала Виктора. Потом сказала: – Разве об этом у девушек спрашивают? Пошли в роту.

– Ну ещё немного постоим, а?

– Как хочешь, а я пошла, – сухо ответила Нина.

Сама для себя отметила: «Кончилось мирное время, Нина! Кончился праздник. Начинается и для тебя война. Всё, что было до этого, – подготовка к главному».

Нина просыпается от сильной тряски. Самолёт попал в воздушную яму. Открыв глаза, смотрит по сторонам. Как же в самолёте чисто, прямо как в её танке. И ей вспоминается первая встреча со своим экипажем...

Трое танкистов стояли возле танка. Старшина Михаил Толмачёв, пожилой механик-водитель, прикрикнул на молодых танкистов:

– Ребята, полундра! Комроты идёт и с ним какая-то цаца. Не иначе, опять докторша с уколами. Ей-богу, сбегу...

Сергей Зырянов, стрелок-радист, торопливо убрал свой чуб под шлем. От врачей жди всяких неприятностей.

– А ты хоть морду оботри. Подойдут – испугаются, – сказал старшина Ваньке Камышеву.

– Здравствуйте, товарищи! – поздоровался старший лейтенант.

Танкисты удивились. Они же виделись с командиром роты утром. Поздоровались не очень дружно, но с интересом посмотрели на смеющиеся глаза старшего лейтенанта Семёнова. Вот-вот расхохочется. Рядом с ним стоит в синем новеньком комбинезоне лейтенант – молоденькая женщина. Смотрит сердито и внимательно на каждого по очереди. Всё норовит в глаза заглянуть.

Пауза затянулась. Первым не выдержал Серёга:

– Мы слушаем, товарищ старший лейтенант. Командир роты не ответил, зачем-то подошёл к опущенному чуть ли не до земли дулу пушки, заглянул в ствол, покачал недовольно головой и снова подошёл к танкистам.

А девушка-лейтенант всё стояла и смотрела. Старшина понял, что она разглядела его небритый подбородок, оторванную пуговицу на гимнастёрке, прожжённую дырку на комбинезоне. Михаил знал: никому не нравится его замызганный вид. «Ходят тут разные, но что делать? Вот стоит, любуется. Точно – доктор!»

А девушка – роста невысокого, кареглазая. Под пилотку аккуратно зачёсаны тёмно-русые волосы, в талии тоненькая и вообще – хрупкая девчонка. Видно, что на городских хлебах росла. Пальчики тоненькие нервно теребят комбинезон. Чего это суетится командир роты?

Наконец старший лейтенант заговорил:

– Дело такое, знакомьтесь, командир вашего экипажа – лейтенант Бондарь, – и показал рукой на девушку.

– Что-о?! – почти одновременно воскликнули изумлённые танкисты.

– Лейтенант Бондарь назначена командиром вашего танка. Всё.

Он обратился к Нине:

– Знакомьтесь с экипажем, наводите порядок. Я пошёл.

Нина осталась с растерянными танкистами.

– Ну что ж, будем знакомиться? – бодро спросила Нина танкистов, всё ещё не пришедших в себя от такого неожиданного известия.

На войне всего можно ждать, ко всему были готовы танкисты, но такого сюрприза...

Первым опомнился Сергей:

– А вы что умеете делать? Это же танк!

– Спасибо за разъяснение, – насмешливо ответила Нина. – Чтоб у вас нормально шарики заработали, докладываю: я окончила танковое училище, до этого летала на самолётах, так что кое в чём разбираюсь. Хватит на первых порах для знакомства?

– А в боях были? – не унимался Сергей.

– На танке – нет.

О том, как подбила немецкий истребитель, распространяться не стала.

– Меня зовут Нина. Можно – лейтенант. А как вас? – обратилась она к старшине.

Тот угрюмо ответил:

– Толмачёв Михаил, старшина, механик-водитель.

– А откуда родом?

– С Томской губернии я.

– Откуда-откуда? – обрадовалась Нина.

– Город Томск.

– А я из города Бийска. Он раньше входил в состав Томской губернии. Почти земляки. Я рада, что будем вместе служить.

Михаил не ответил, и не видно было, что он тоже рад такому обстоятельству.

Нина прищурилась, с головы до ног окинула его взглядом и уже без всяких радостных ноток, по-командирски строго заметила:

– Чтобы я в последний раз видела вас небритым и таким... – она чуть скривила губы.

– Ладно...

– Не «ладно», а есть!

Нина как будто бы не заметила его открытый молчаливой демонстрации, повернулась к Сергею. Тот не стал ждать вопросов, а весело, с улыбочкой заговорил:

– Сергей Зырянов, стрелок-радист, двадцать второго года рождения, холост, комсомолец, из пехоты, в бою бывал, в танкисты попал по недоразумению... Всё!

– Негусто. Ну а вы? – спросила она третьего, чумазого по самые уши танкиста.

– А я чё? Мы псковские, замковый, значит, ну и комсомолец опять же... Иван Тимофеевич Камышев.

– Что же вы такой грязный?

– Да танк же...

– Сходите к речке. Чтоб через час были здесь в выстиранном обмундировании, и сами помойтесь. На кого вы похожи? Механик-водитель, доложите о техническом состоянии танка.

– В порядке. После боя он к нам из ремонта. Готов к бою.

– А что делали с орудием?

Сергей вмешался в разговор:

– Пробивали. Знаете что это такое? А сил не хватило. Одной человеческой силы.

Нина, сделав вид, что не заметила подковерку об одной человеческой силе, сказала:

– Орудие сегодня же надо привести в порядок. Завтра – учебная стрельба. Я хочу проверить слаженность экипажа.

– А вы и стрелять будете? – не унимался Сергей.

– Буду.

Сергей многозначительно посмотрел на старшину. Мимо танка стали пробегать танкисты с котелками, буханками хлеба.

– Товарищ лейтенант, разрешите сходить за обедом? На вас получить?

– Я не знаю. На довольствие ещё не поставлена.

– Значит получать. Я мигом.

Нина легко, уверенно поднялась к башенному люку. Ожидала увидеть внутри башни полнейший беспорядок, и была очень удивлена – кругом идеальная чистота, снаряды протёрты, пол вымыт.

– Прицельную линию выверяли? – спросила она старшину.

– Нет, а что?

– Вот этим сейчас и займёмся.

– Так пробить же надо.

Нина отругала себя за рассеянность.

Ничего не поделаешь, только после обеда можно заняться выверкой, то есть проверкой параллельности линии прицела и оси канала ствола. Довольно кропотливое занятие. В училище командир роты очень толково объяснил, как эту выверку сделать: «Без выверки в бой не суйся. Прицеливаться будешь в одно место, а снаряд упадёт чёрт-те где». Он несколько раз заставил её самостоятельно сделать выверку. Он же научил стрелять с места, с ходу, с короткой остановки. Стрельбой Нина и рассчитывала завтра поднять свой авторитет в экипаже.

Она внимательно осмотрела всё внутри танка, покрутила рукоятки орудия, закрыла и открыла замок его. «Молодцы какие! А не подумаешь по виду, что чистоту любят. Сами как кочегары, а тут хоть платочком вытирай. Пылинки не найдёшь», – мысленно похвалила она ребят.

Сергей, пока ходил за обедом, успел расстрезвонить дружкам о своём новом командире. Конечно, никто не поверил.

Когда Нина поднялась из люка, Сергей стоял возле танка и ложкой стучал по котелку, приговаривая:

– Бери ложку, бери бак, нету ложки – рубай так...

– А у меня в самом деле нет ложки, – сказала Нина.

– Найдём. Эй, ребята, у кого есть «собственный разводный»?

Только теперь Нина заметила, что в отдалении от танка собралось с десяток танкистов. Смотрят на неё, чуть не открыв рот от удивления.

Один из них крикнул Сергею:

– Вот, друг, бери насовсем! Заветная.

Он подошёл к танку, не спуская глаз с необычного лейтенанта. «В самом деле, не трепался Серёга. Ну дела! Вот навоюет! Птичка, а не лейтенант», — мысленно оценил танкист Нину.

Но ничего не сказал, а только ухмыльнулся, глазами смерил Нину и вразвалочку отошёл. Нина услышала, как он вроде бы для ребят, но так, чтобы слышала она, позавидовал:

— Повезло же чертям.

Нина вспыхнула от возмущения и очень обрадовалась, когда в ответ услышала:

— Дурак, хоть и танкист...

Михаил расстелил сравнительно чистый кусок брезента. Обедали молча.

— Иван Тимофеевич наш с горя, наверное, утопился, — сказал Сергей, пряча в тень под днище танка котелок с супом и крышку от котелка с кашей — обед Камышева, — ему же до конца войны не отмыться.

— А в башне навёл чистоту...

— Это он, — показал на Сергея Михаил. — Заел всех чистотой.

— Правильно сделал. Как же пробить ствол? Не сможем мы втроём.

— Сделаем! — Сергею понравилось выполнять приказы симпатичного лейтенанта. Были бы крылья — полетел.

Михаил, неразговорчивый, сердитый, будто его кто-то обманул: пообещал сделать одно, а сделал другое. Он самый пожилой среди танкистов не только своего экипажа, но и во всём батальоне. Ему тридцать пятый. Конечно, обидно воевать под командой какой-то девчонки.

Сергей сбежал к соседнему танку, замаскированному в глубине рощи, и привёл оттуда нескольких танкистов. Они дружно застучали пробойниками и вскоре вытолкнули спрессованный чёрный от гари кляп с глубоко врезавшимися от нарезки ствола канавками.

— Серёжа, теперь надо проверить прицельную линию. Знаете, как наклеить на дуло перекрестие из ниток? Вот нитки. Пушсалом намазать ствол. Нет, лучше мылом, сало растопится. Там есть на срезе ствола риски. Наклей нитки. Вот и всё.

Нина поднялась в танк, развернула башню, что бы выбрать удалённую точку наводки. Проверкой осталась довольна. Видно, что танк в бою находился недолго, всё в нём в порядке. Пулемёт, спаренный с пушкой, похоже, что и не стрелял ещё. Она пробралась на сидение механика-водителя, завела, опробовала на разных оборотах. Хорошая машина! Не опозориться бы завтра. Ко-

мандир бригады сказал, что сам будет проверять стрельбу роты, и, конечно, с Нины спрос особый. Вот ведь судьба. Говорят — не женское дело, а спрашивают больше, чем с мужчин.

Здесь, в Задонье, безмятежная тишина. Танковую бригаду рассредоточили побатальонно в оврагах и глубоких балках, густо заросших кустарником, молодым дубняком. Некоторые танки были окопаны высокими ровиками, но сделано это больше для формы, чтобы начальство не цеплялось. Фронт был так далеко, что никто не верил в возможность его приближения к Дону.

Дни стояли жаркие, безветренные. С голубого неба нещадно палило солнце, и от него не было спасения ни в танке, ни под танком.

Иногда в сторону фронта пролетали самолёты. Как же Нину тянуло в небо, как же она хотела летать, находиться в самолёте и бить врага. Но её место теперь в танке, и она будет уничтожать фашистов на земле...

Командир бригады дал два дня для приведения материальной части в порядок и объявил, что только потом начнутся занятия. А их-то как раз танкисты больше всего не любили. Все понимают, что без науки воевать нельзя, а как услышат про занятия, каждый стремится увильнуть. Сегодня последний день отдыха. Завтра — проверка.

За подготовкой к завтрашнему дню Нина забыла про Ивана. А его надо проверить в первую очередь. От заряжающего много зависит в стрельбе. Вдруг он совершенно не знает, как это делается?

Сергей возился с большой брезентовой палаткой. Нина поняла, для чего она, но ничего не сказала. Надо бы послать Сергея на розыски Ивана, да жалко отрывать от дела. Ночь приближается, а где ей спать?

— Дворец оборудую, — сказал Сергей, увидев, что Нина смотрит на него. — Будете, как у мамы родной, жить и не тужить.

— Серёжа, давай будем на «ты». Я с детства с мальчишками и не привыкла, когда величают.

— Хм... Попробую. Это ведь непросто. Само собой должно прийти... Эге, а вот и его светлость Иван Тимофеевич собственной персоной, а мы уж думали, что он к Берлину подбирается.

— Ваше приказание выполнил, товарищ лейтенант! — отрапортовал Иван.

Нина внимательно его осмотрела, сдерживая готовую сорваться улыбку. Чувствовала, что такая улыбка навсегда оскорбит Ивана.

35

Да, постарался парень. Даже жалко его стало. Гимнастёрка побелела от старательной стирки, комбинезон стал неопределённого цвета с тёмными пятнами от масла, бензина и ещё чего-то, что не поддавалось стирке. А сам Иван светился и на удивление оказался парнем симпатичным.

– Хорошо, молодец! Пообедайте, Ваня. Там вам оставили.

– Не, я уже, – ответил Иван и застеснялся, стушевываясь.

А Сергей добавил:

– Этот тихоня блат завёл на кухне, будто он самый главный портной или сапожник. Прикармливают его. И за что? Похлопает-похлопает своими глазёнками перед поваром, и тот ему самый жирный кусок мяса в котелок – бац...

– Да ладно тебе. А что делать? – спросил он у Нины.

– Завтра стрельбы. Вы знаете свои обязанности?

– Старшина показывал, да что-то не очень...

– Вот хорошо, что сказали правду. Ну-ка в башню марш!

Иван забрался на башню и как-то неловко, не по-танкистски спустился туда. За ним в башню нырнула Нина.

До самой темноты тренировала она Ивана на быстроту заряжения орудия, перемены диска в пулемёте, заставила выучить назначение снарядов и чем они отличаются друг от друга.

– Ну всё! На сегодня хватит. Завтра с утра ещё повторим, и будете вы настоящим танкистом.

Нина, как белка, выскочила из люка, а когда оттуда показался Иван, не могла удержаться от смеха. Иван был перепачкан маслом, грязью чуть ли не больше, чем до стирки.

– Я же говорил... – Он вытер потный лоб о локоть и оставил на лбу чёрную полосу.

– Да где же вы успели? Я же с вами в танке была... Ну человек!

Ночью долго не могла уснуть. Всё думала о предстоящей стрельбе. Не совсем хорошо началась служба в бригаде. Подвела её фамилия. В строевой части бригады не обратили внимания на имя и отчество: «Н. И. Бондарь – лейтенант, прибыл для прохождения дальнейшей службы...».

Капитан Елфимов, занимающийся распределением командиров по подразделениям, недолго думая, отметил в списке: «Первый батальон». С новичками должен познакомиться командир

бригады Проценко, но его не было, уехал получать матчста.

Капитану же некогда. Он отдал писарю приказание:

– Предупредить старшего этих новичков из училища, чтобы завтра к девяти ноль-ноль были тут, у штаба. Начальник штаба будет знакомиться.

Писарь вышел из избы и вскоре вернулся.

– Ну и старший у них... Малолеток берут же.

– Ничего себе, малолеток, – ответил капитан, просматривая какие-то бумаги, – двадцать два года... А у нас есть и восемнадцатилетние бойцы.

– Вы о ком говорите-то?

– Да вот об этом лейтенанте... Как его... Бондарь...

Капитан ещё раз посмотрел командировочное удостоверение, вещевого и продовольственного аттестаты.

– Что-о-о? – не поверил он своим глазам... – Баба?! Нина Ильинична Бондарь... Лейтенант, всё верно... Нет, ты только посмотри, – обратился он к писарю, – это же женщина! А её в первый батальон командиром взвода. Она, видимо, фельдшер или врач. Вот ребята поохотились бы...

Писарь внимательно прочитал документы, развернул личное дело.

– Нет, товарищ капитан, всё верно. Лейтенант Бондарь – командир танка, способна командовать. Отличные результаты...

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросил растерянно капитан писаря. – Женщина в танке...

Он торопливо закрутил ручку телефона.

– Алло, товарищ второй? Новость. К нам в бригаду прибыло пополнение из училища, и среди младших лейтенантов один лейтенант, Бондарь, – ба..., то есть женщина. Девушка, значит... Да, да. Да нет, точно. Вот передо мной её документы. Сам-то не разглядел. Думал, врач или ещё кто... Есть!

– Разыскать – и немедленно к начальнику штаба, – приказал капитан писарю.

Знакомство с майором Николаевым очень расстроило Нину. Майор категорически отказался назначить её командиром танка.

– Вы думаете, тут детсад? Вам люди доверены будут. Как вы будете командовать? Нет, я отказываюсь понять тех, кто дал вам возможность учиться и кто вас послал на фронт.

– Меня, товарищ майор, никто не посылал. Я сама добровольно пошла. И командиром танка Т-34 я буду! Обязательно! – сказала решительно Нина и тем заставила задуматься май-

ора. Видимо, почувствовал он в её словах силу и убежденность.

– Хорошо. На первых порах будете командовать бронемашинной. Танков всё равно нет. А нам позарез нужен офицер связи. Машину-то водить умеете?

– Я согласна сесть на машину, но только при условии, если вы обещаете перевести меня на тридцатьчетвёрку, как только они появятся в бригаде.

– Я этого не решаю.

– А назначить имеете право?

– Вы меня не учите, что делать. Выполняйте приказ!

– Есть! Но я буду жаловаться. Вы не имеете права...

– Жаловаться – можно. Очень хорошо начинать службу с жалобы, – язвительно сказал майор.

Нина чуть не со слезами ушла от начальника штаба. Подумала, погоревала и приняла броневой автомобиль – маленькую, горбатенькую, пузатенькую машину.

Недели две носилась на ней по степным дорогам. Опротивела она ей до тошноты. Но зато хорошо познакомилась с местностью, дорогами, узнала, где расположены штабы, и видела многих командиров полков, бригад, начальников штабов и даже самого командира танкового корпуса генерала Катукова.

Её всюду принимали за молоденького парнишку, кое-кто удивлялся, что таким доверяют столь серьёзное дело, как связь, но их удивление не меняло судьбы Нины...

Как-то на повороте дороги, объезжая яму, она резко повернула руль и... свалилась с машиной в кювет. Выбралась сама из машины. Хоть плачь! Ни одной души кругом. Броневик хоть и маленький, а весу в нём хватает. Надо где-то искать трактор или танк. Постояла-подумала – делать нечего, взяла сумку с документами и бодро зашагала в сторону своего штаба. Часа два топала, когда её нагнал легкий Т-70. Нина подняла руку.

Танк остановился. Из люка показалось потное лицо механика-водителя.

– Ты чего?

– Будь другом, помоги машину поднять. Видел там, на повороте, свалилась?

– Это твоя? Из какой части?

Назвала бригаду.

Механик присмотрелся к ней.

– Погоди, что-то не соображу. Ты девка, что ли?

– Вот невидаль. Ну и что?

– Откуда ты такая взялась? Вот обрадуется командир бригады.

– Кто?

– Да наш комбриг Проценко. Встречать ездил его. Он только сегодня приехал. Ездил на Урал танки получать... Садись, покатаем обратно.

– Вот спасибо. А то иду и боюсь, вдруг кто машину поднимет да угонит. А там пулемёт...

– Её и так уже угнали...

Нина пробралась на место стрелка рядом с водителем.

– Ты что говоришь? Меня же под трибунал отдадут!

– Это точно! Отдадут. А вон она катится, твоя разлюбезная. Ну комбриг! Тебе повезло. Он увидел на броневике номер нашей бригады и заставил поднять его. Меня послал в штаб за помощью, думал, не заведётся машина.

Броневик остановился на дороге. Рядом остановился танк. Из открытой дверки машины показался майор.

– Что? – крикнул он механику-водителю.

– Товарищ майор, я хозяина поймал. Вернее хозяйку. Вылезайте, – сказал он Нине.

Нина выбралась из люка. Соскочила с гусениц и, подойдя строевым шагом к майору, доложила:

– Водитель бронемшины офицер связи лейтенант Бондарь.

У комбрига широко открылись глаза.

– Кто вас назначил?

– Начальник штаба бригады. Я не соглашалась.

– Как вы в бригаде-то оказались?

Нина вкратце рассказала о себе и в конце не удержалась:

– Товарищ майор, я прошу вас, переведите меня на боевую машину. Я же танкист, а не шофёр...

– Как же вам доверить танк, если вы эту малютку не можете удержать в вертикальном положении?

– А кто её удержит? Прежний шофёр три раза падал. А я – в первый раз...

– Ладно, садитесь, поедем. Там видно будет, – он жестом показал на дверцу машины.

Не проехали и километра, как броневик свалился. Майор больно ударился плечом о ручку дверцы, молча выбрался из машины, помог выбраться Нине.

Комбриг остановил идущий позади танк.

– Не машина, а гроб. Садитесь в танк на место механика-водителя, поедем в штаб бригады. Посмотрю, на что вы годны. Механик останется здесь, из бригады пришлю помощь.

Нина знала танк этой системы не очень хорошо и водила его мало. Но всё-таки она удачно выдержала экзамен. Комбриг повеселел.

– Что ж, знай наших, ни в одной бригаде нет такого. Это здорово, что вы решились стать танкистом! Получите танк. Обязательно. Но смотрите, чтоб экипаж стал лучшим в бригаде! Сам проверять буду.

– Постараюсь!

5

Утро началось с шумного появления командира роты. Это был старший лейтенант Николай Семёнов. Он оказался возле танка, когда все ещё спали. Нина чувствовала себя очень неуютно под насмешливыми взглядами командира роты. А он словно не замечал, что ей надо привести себя в порядок. Ему вроде бы доставляло удовольствие видеть её растерянность.

Приказал выложить весь инструмент, противогазы, огнетушители. Нина испугалась за ребят. Вдруг у них ничего нет? Хотела отличиться – вот и отличилась. Но Михаил неторопливо вытащил из танка топор, пилу, лопату, ломик, огнетушители, трос, густо смазанный маслом. Всё оказалось на месте, всё приведено в надлежащий порядок.

– Ну ладно, орлы, я на тот случай, что сегодня помпотех проверять будет, у кого что есть в наличии, а командир батальона пообещал стружку снять, если чего не хватать будет. Ну как, к стрельбе готовы? Я тоже весь день провозился со своей машиной. Вроде бы новая, а всё разболтано. Ваша тоже не мёд! Посмотрим, как стрелять будете.

Нина ничего не ответила. Она злилась на бестактность старшего лейтенанта. Неужели каждый раз напоминать ему, что она всё-таки танкист.

Сергей шепнул Нине:

– Ничего, не волнуйтесь. Будет порядок. Вот посмотрите.

– Спасибо, Серёжа. Скорее бы на стрельбище. Командир роты осмотрел танк внутри, обошёл его со всех сторон.

– После завтрака вывести танк в район стрельбища. Механик-водитель знает куда.

Только ушёл командир роты, ещё танкисты не успели уложить в машину инструмент, появился нежданный гость – комиссар батальона, пожилой капитан нестроевого вида. Нина доложила, что экипаж танка занимается приведением материальной части в порядок.

Комиссар Хакимов поздоровался со всеми за руку, спросил у всех фамилии и записал себе в блокнотик.

– Надо со всеми познакомиться, а времени нет и нет. Вот с вас и начал обход. Вы у нас особый экипаж. На весь корпус особый. Все комсомольцы, а механик – партийный человек. И это меня очень радует. Хотелось, чтобы вы всё время были на хорошем счету.

– Будем, товарищ комиссар, – за всех ответил Сергей.

– А как командир танка думает?

– Постараемся... Пока ещё не знаю ничего. Сегодня стрелять будем. Промажем – вот и счёт будет.

– Ну зачем так? Возьмите себя в руки. Я, вижу, вам помешал? Потом поговорим, хорошо?

– Есть потом! – ответила Нина.

Вроде хороший человек комиссар, но не ко времени. И так уже всё пошло кувырком. Разве после этого можно рассчитывать на хорошие результаты?

Торопливо позавтракали. От командира прибежал связной.

– Выводите танк в балку. Там уже командир бригады и ещё какое-то начальство.

– По местам! – скомандовала Нина.

Танк взревел и медленно покатился вслед за другими танками роты.

Стрельбище было оборудовано в глубокой балке. Нина, узнав условия стрельбы, обрадовалась. Самые примитивные. Надо с трёх снарядов попасть в щит пушки и расстрелять из пулемёта «пехоту» – несколько щитков маленького размера, имитирующих солдат противника. Её танк выполнял упражнение третьим.

Командир роты поразил цель с третьего выстрела и сделал пять попаданий из двадцати по пехоте противника. Результат средний.

Второй экипаж не выполнил задачу.

Подшла очередь Нины.

– Вперёд, Миша! – скомандовала она механику-водителю.

Михаил выехал на исходный рубеж. Нина внимательно смотрела на сигналы руководителя. Вот он махнул рукой.

38

– Вперёд!

Танк набрал большую скорость. Небольшой разворот, и вдали замечен Ниной тёмный бугорок. В прицел хорошо виден квадратный щит – пушка.

– Миша, дорожку. Ваня, осколочным – заряджай!

Михаил выбрал ровный участок дороги. Это очень важно для стрельбы. Надо чтобы танк катился ровно, не качался из стороны в сторону.

– Готово! – крикнул Ваня.

– Есть дорожка! – крикнул Михаил.

Нина подвела вершину угольника в центре прицела под основание щита. Не просто удерживать в таком положении орудие. Резко нажала на спуск.

Танк вздрогнул и понёсся дальше. Нина заметила – недалёт. Совсем рядом от щита. Установку прицела решила не менять.

Заряжающий крикнул в переговорное устройство:

– Готово!

– Миша, дорожку!

Михаил снова подыскал удобный участок.

– Дорожка!

– Выстрел!

– Ура! Есть попадание! – обрадованно закричала Нина.

Ей это попадание было нужно как глоток воздуха. За пулемёт она была спокойна. Короткими очередями, когда танк подошёл на нужное расстояние, она расстреляла два десятка патронов. Танк, не снижая скорости, пронёсся мимо мишеней.

Нина успела заметить в щите пробоину и рядом воронку от взрыва. Прямое попадание.

Михаил развернул машину, на полной скорости подогнал её к исходному рубежу.

Нина доложила командиру роты о том, что экипаж задание выполнил.

– Хорошо! Ждите, когда сообщат результаты, и тогда пойдёте вон туда, на наблюдательный пункт командира бригады, с докладом.

Телефонист, сидевший недалеко от исходного рубежа, закричал:

– Пушку вдребезги, всю пехоту расстреляли!

– Поздравляю, – сказал не совсем радостно командир роты. – Докладывайте!

Нина побежала к видневшемуся на высоте блиндажу – наблюдательному пункту. Подбегая, отыскала глазами майора, но увидела тут много незнакомых полковников и подполковников.

Отропела... Они с интересом смотрели на неё.

Обратившись к самому пожилому полковнику:

– Товарищ полковник, разрешите обратиться к командиру бригады майору Проценко.

Полковник улыбнулся.

– Вот с него надо начинать – начальник штаба корпуса. – Он показал на высокого командира, на петлицах которого только теперь Нина разглядела звёздочки.

– Ладно, лейтенант, обращайтесь, – сказал генерал.

– Товарищ майор, экипаж танка Т-34 задачу выполнил. Командир танка лейтенант Бондарь.

– Молодец, лейтенант. Товарищ генерал, представляю вам единственную в корпусе девушку-танкиста и, как видите, неплохого танкиста.

– Благодарю, лейтенант, за отличную стрельбу. Утерли вы нос старым танкистам.

– Служу Советскому Союзу!

– Ну как вам служится?

– Отлично, товарищ генерал.

– В небо не тянет?

Нина удивлённо взглянула на генерала. Откуда он про небо знает? Наверное, о ней уже был разговор.

– Теперь нет, товарищ генерал. Теперь я до Берлина – танкист.

– Надеетесь, что попадёте туда?

– Я слово дала Клименту Ефремовичу Ворошилову.

– Вот как? Вы и с маршалом знакомы?

– Он дал мне направление в танковое училище.

– Хорошо начали службу, товарищ лейтенант. Так и продолжайте.

– Разрешите идти?

– Да! Там вон уже кто-то вышел на исходную. Командир бригады заметил:

– Ещё один танк из их роты. Ах ты! – с сожалением воскликнул он. – Сразу видно неумеху-водителя.

Нина не стала ждать результатов стрельбы четвёртого танка. Она словно на крыльях летела к своему экипажу.

– Ура, ребята! – кричала она звонко, весело. – Наша взяла. «Отлично», нам «отлично» поставили!

При приближении Нины экипаж застыл в ступоре. Из расстегнувшегося на бегу комбинезона виднелся приколотый к гимнастёрке орден Красной Звезды.

Первым очнулся Сергей:

– Товарищ командир, это вас сейчас наградили орденом?!

– Нет, – игриво ответила Нина. – Не сейчас!

А когда и за что – потом расскажу...

Скорей бы в настоящий бой!

И вот он настал. В первом бою осенью срок второго Нина хоть и не растерялась, но и толку от неё было мало. Вышли на позиции выжидания под Воронежем. А потом пошли лавиной за огненным валом. И вот сколько ни присматривалась Нина, не могла найти для своей пушки цель. Только мелькали отдельные пятна вывороченной разрывами снарядов земли. Так и прокатились на танке, ни разу не выстрелив. Километров десять отмахали. Сделали остановку, спрятавшись за бугорок.

Нина открыла люк, выглянула. Широко по степи, на сколько глаз хватает, расположилась танковая бригада. Катятся танки, поднимая за собой шлейфы степной пыли. Все стреляют, кто с ходу, кто делает короткие остановки. Видно, что и по нашим танкам стреляют, а кто и откуда – не видно. И вообще из этого боя Нина ничего не поняла. Подождала, когда три танка их роты поравнялись с её танком, и скомандовала Михаилу: «Вперёд». И снова вырвался её танк из общей линии. В одном месте ей показалось, что впереди стоит пушка.

– Миша, дорожку!

– Есть! – и почти сразу же крикнул: – Дорожка!

Нина выстрелила. Земля взметнулась перед пушкой. А когда ближе подъехали, то оказалась, что это брошенный кем-то железный бак.

Михаил старался держаться колеи, оставленной кем-то раньше. Может, танк прошёл или бронетранспортёр. Хорошая гарантия против мин.

Командир роты по радио закричал:

– Третий! Третий! Куда вас чёрт несёт? Стой и не с места! Занять оборону. Впереди противотанковые мины и ров.

А как остановишься, если танк на самом видном месте? Нина высмотрела впереди небольшую высотку и решила укрыться за ней.

Михаил, не сворачивая с проторённой дорожки, погнал танк к горке и там затормозил.

Ни пехоты, ни танков вражеских рядом нет. Почему-то нет и связи с командиром роты. Что делать? Вперёд идти – приказа нет, на месте стоять без дела – не по себе становится от мысли: «А если немцы рядом?».

Но всё обошлось, и Нину даже похвалили. А командир роты, когда комбат сделал разбор боя на коротком перерыве, не то в шутку, не то всерьёз добавил:

– Дуракам всегда везёт. Лезет сломя голову. По ней пушка три раза ударила и не попала. Скажи спасибо экипажу второго танка. Он её уничтожил.

Нина не заметила, когда пушка стреляла по ним. Потом, после разговора с командиром батальона, подробно расспросила командира роты, что он видел в бою и как сам бой шёл. Оказывается, она многого не видела. Больше всего боялась нарваться на мины. От мины редко танкисты гибнут, а танк всегда выходит из строя. Очень Нине не хотелось терять свою тридцатьчёртерку с номером три.

Потом было много боёв, больших и малых. Под Старым Осколом громили выходящие из окружения дивизии противника, танком брали пленных и на танке их гнали на сборный пункт. Обмороженных, больных, голодных. Глядеть-то было жалко на этих потерявших человеческий облик немецких солдат.

В одном из боёв погиб командир роты. Нина со своим экипажем подъехала к его тридцатьчёртерке, танк догорал. Остановились, подошли посмотреть, есть ли кто живой. Люк механика-водителя был открыт и за рычагами сидел Юрка Орлов. Нина чуть задела за волосы, он ш-ш-ш и распался. До того Нине стало плохо...

Вскоре был тяжело ранен комбат – нарвался на фугас, и на его месте образовалась после взрыва глубокая воронка, а башня оказалась отброшенной метров на десять в сторону.

Но танк Нины шёл и шёл на Запад. Шёл без единой царапины. «Заговорённый», – шутили танкисты.

Нина помалкивала. Знала, что и её очередь взлететь на фугасе может прийти в самый неожиданный момент. Но верила в Михаила, старалась и сама предусмотреть как можно больше. У инженера бригады расспросила о схемах минирования, применяемых немцами, и это ей помогло однажды проскочить через минное поле, под огнём противника провести танк, словно протанцевать босыми ногами на стеклянных осколках и не пораниться, и ворваться во вражескую траншею невредимыми.

Она научила каждого в экипаже водить танк и стрелять из всех видов оружия, устранять простейшие неисправности, а также быстро и лов-

ко покидать танк при пожаре, что в дальнейшем не один раз спасало жизнь экипажу.

Конечно, трудно ей приходилось в мужском обществе. Про любовь кто только не успел напеть ей. Кто будто в шутку скажет, прицеливаясь, кто без всякой пристрелки предлагал руку и сердце, кто пытался с дальних позиций подкатиться.

Она посмеивалась над ухажёрами и оставалась верна своим ребятам. Они её ревниво оберегали. Полюбили самой крепкой товарищеской любовью и готовы были идти за своим командиром хоть куда. Иногда их ревностная преданность угнетала Нину. Бывали такие минуты, когда хотелось побыть одной, расслабиться, дать волю своим чувствам...

После гибели комбата, человека исключительной доброты и чуткости, прибыл в батальон капитан Кузнецов. Храбрый, толковый командир, но как-то встретился с Ниной и загорелся идеей «осчастливить» её.

А когда Нина высмеяла его, то он обиделся и пригрозил:

– Ты у меня посмеёшься теперь. Я тебе устрою...

Нина коротко ответила:

– Дурак.

А когда осталась одна, чуть не заплакала, и почему-то захотелось прижаться к материнской груди и услышать от неё ласковые слова...

Хорошо, что недолго оставался в командирах этот капитан. Перевели его куда-то, и Нина успокоилась. Но всегда оставалась настороже. Самым опасным на фронте для неё противником оказались малознакомые мужчины. Чёрт их знает, кто им внушил, что на фронт одни гулящие девки идут.

Попали они один раз с танком под бомбёжку. В такую, что танк швыряло из стороны в сторону. Думали: «Всё, конец!» Смолкла бомбёжка, улетели немецкие штурмовики, а танк цел, только с той поры стал щербатым, словно оспой переболел, – так его осколки наковыряли. Но выжил.

– Ребята, никуда не отходите, я сбегаю к командиру роты.

Танк ротного находился невдалеке. Там тоже суетились танкисты, пробовали мотор, гоняли танк вдоль опушки.

Нина на ходу разворачивающегося танка заскочила сзади на моторную часть, пробежала до люка.

– Что делать, товарищ капитан?

– Какого черта тебя тут носит! Попадёшь под машину.

– Что я, слепая? Вот какая луна – как прожектор. Что дальше-то?

– А я знаю? Комбата вызвали к комбригу. Сиди и жди. Всё.

– Счастливо, товарищ капитан. Не забудьте про нас.

Это она ему намекнула на недавний случай, когда весь батальон перешёл на новую линию обороны, а про танк Нины вспомнили, когда уже командир батальона стал проверять маскировку.

– Не забуду! Я теперь памятный стал, – засмеялся командир роты.

И Нина улыбнулась. Тогда командир бригады перед строем, перед всеми командирами рот и взводов поставил её и командира роты и сказал:

– Посмотри, капитан, кого ты оставил. Понял? Выговор тебе. А уж лейтенант Бондарь сделает свои выводы. Становись в строй!

Последовала команда: «По машинам!». Предстояло добраться до ближайшего перекрёстка, что находился в нескольких километрах. К восходу солнца танк Нины был уже закопан на перекрёстке нескольких дорог возле моста через небольшую речку. Чуть левее горела маленькая деревушка. Танкистов Нининой роты построили перед командиром батальона.

– Задача одна – стоять, чтоб немец не прошёл. За нами дорога на Обоянь. Противник пятого июня перешёл в наступление с целью ударом с юга окружить войска в районе Курска. Дело, ребята, очень серьёзное. Но не унывайте – нам же с места стрелять. Только не торопитесь. Подпускайте – и наверняка. Без приказа – ни шагу назад!

Нина, как только посветлело, наметила ориентиры для стрельбы, на всякий случай даже пробежала до ближних, чтоб точно знать, какую установку прицела поставить. Чуть только солнце позолотило верхушки деревьев, налетели самолёты и давай молотить многострадальную деревушку, и реку, и маленькую рощу южнее деревни.

Началось. Речка, небольшой приток Псёла, могла сослужить хорошую службу для обороняющихся. По левому берегу проходили траншеи профиля. Но мало в них солдат. Одними танками не остановить противника.

«Юнкерсы» бомбили, а Нина, не обращая на них внимания, смотрела на противоположный берег. После такой бомбёжки жди немецкие танки. А их не было и не было. Бой шёл где-то южнее, на первой линии обороны танковой армии.

Немецкие пикировщики вились всё больше за речкой.

Вечером танкисты поняли, что завтрашний день будет зависеть от них, обороняющих вторую линию. Нажимал немец изо всех сил. Бросил в бой и авиацию, и танки. К ночи бой затих, и только артиллерия продолжала громохатать по всему фронту. Командир роты по радио дал команду Нине выдвинуться к реке метров на сто.

– Нельзя, товарищ первый, нельзя этого делать, я сейчас стою так, что фрицы не увидят меня, а я их как миленьких тут всех приголублю. Да и куда сейчас сунешься, кругом воронки. Только машину погубим.

Капитан помолчал, а потом сказал:

– Ладно. Жди их там.

Спали танкисты на своих местах, не выходя из танка, ведь враг мог напасть в любую минуту. Проснулись от шума моторов.

Немцы решили, что за рекой нет войск. Видимо, обманулись тишиной на переднем крае и отсутствием в траншеях солдат, поэтому атаку начали без артиллерийской подготовки и без авиационного прикрытия. Выползло из-за бугра с десятков танков, потом ещё примерно столько же. И давай стрелять из пушек и пулемётов по всему участку. А наши танкисты затаились. Ждали, когда немецкие танки подойдут ближе.

Нина поймала в прицел большой, до сего времени не виданный ею танк. Поняла: это тот самый – «тигр», грозный и неуязвимый, о котором так много ходило разговоров и слухов.

– Ваня, подкалиберным – заряжай!

А «тигр» шёл и шёл. Поблёскивали на солнце гусеницы, иногда сверкала фара или стекло в щелях башни. Первая линия танков достигла речки и, не задерживаясь, переползла её. Стала подниматься на берег.

«Пора? Или подпустить ещё?» – спрашивала себя Нина. Решила ударить по гусеницам. В лоб такую громадину не возьмёшь. Осталось не больше восьмисот метров.

– Огонь! – скомандовала себе.

Трассирующая линия под днищем «тигра», видимо, не задела его.

Навела чуть левее, торопливо нажала на спуск.

– Выстрел! – закричала Нина.

На этот раз трассирующая линия оборвалась под гусеницей и, похоже, что-то наделала там. Танк дёрнулся туда-сюда. Попятился и стал разворачиваться.

– Огонь!

Нина физически почувствовала силу удара снаряда в немецкую броню, словно она сама держала подкалиберный снаряд в руках и ударила со всей злостью в эту громадину.

– Вот тебе! Огонь!

Третий снаряд ударил по башне, но срикошетил.

– Ваня, скорее! – крикнула Нина заряжающему, она увидела, что наводчик «тигра» ищет цель. Длинный ствол пушки, как голова гигантской змеи, шарит во все стороны.

Только четвёртым снарядом Нина пробила броню «тигра». Он задымился так же, как и все другие танки.

– Ура! Ребята! Есть! Горит!

Немецкие танки пошли напролом, но споткнулись. Наши сапёры успели заминировать берег. Немцы быстро сообразили, что не пробиться им тут. Два танка уже подорвались на минах. Остальные начали пятиться. Дымом заволокло всё кругом. Становилось невыносимо жарко и душно от гари разорвавшихся снарядов, выстрелов пушки. Вентилятор не успевал проветривать внутренность танка. Бой переместился правее. Теперь Нина уже стреляла в борта вражеских танков. Но они были далеко, попасть непросто. Пойти на сближение – свой бок подставить.

На берегу речки появились немецкие противотанковые пушки. Одну пушку Нина подбила с первого выстрела.

– Миша, дымовые! – скомандовала Нина. Она решила уйти из-под огня немецкой артиллерии.

Через минуту от танка в сторону атакующих поплыло белое густое облако дыма. Дым стелился по земле, прикрывая танк Нины.

– Миша, поверни машину вправо, покажу, куда ехать. Там наши отбиваются.

Михаил развернул танк и сразу же увидел, как в километре от них идёт неравное сражение: на два наших танка полукругом шли с десятка немецких, стреляя на ходу из пушек и пулемётов.

Танк с места рванул на большой скорости. Дымовая завеса дала возможность метров сто пройти незамеченным. А когда скорость набрана, то трудно попасть. Поле сплошь перекопано траншеями, окопами, чуть ли не на каждом метре воронки. Огонь со стороны противника с каждой минутой нарастал.

– Миша, дорожку! – крикнула Нина, поймав в прицел немецкий танк, идущий под прямым углом к их тройке. Танк вёл огонь в противоположную от Нины сторону.

– Дерьмо тут, а не дорожка! – ответил сердито Михаил. Танк бросало из стороны в сторону, прицел трудно было удержать на выбранной цели.

– Есть дорожка, лейтенант, лупи их, гадов!

Но дорожка оказалась совсем коротенькой. Нина успела один раз выстрелить, а куда улетел снаряд, уже не увидела – машина нырнула в глубокую воронку, и только мастерство Михаила помогло вывести танк из неё. Нина больно ударилась головой о пушку, разбила голову до крови.

– Дорожку, Миша! Да смотри под ноги!

– Есть дорожка!

Второй снаряд ударил в борт немецкого танка, и, видимо, в нём сдетонировали боеприпасы. Раздался такой мощный взрыв, что тридцатьчетвёрку чуть приостановило взрывной волной.

– Молодец, лейтенант. Так их! Ребята, держитесь, сейчас я одного гада скovyрну.

Машина Нины неожиданно для неё да и для немцев оказалась в самой гуще вражеских танков. Немецкие танкисты этого ещё не поняли. Михаил вспомнил, как бывалые танкисты рассказывали, что высокие немецкие танки можно свалить ударом на хорошей скорости. А скорость у тридцатьчетвёрки была приличная – километров сорок. Прицелившись серединой острого, как нож, переднего броневого клина в ведущий каток проходящего мимо танка, Михаил прибавил скорость. Удар оказался очень сильным. Хорошо, что экипаж приготовился к тарану. Все в танке были живы и невредимы, но с машиной что-то случилось. Мотор не мог набрать оборотов. Будто кто держал танк. Немецкий же танк лежал на боку, и одна его гусеница беспомощно бегала вокруг катков.

– Не горим? – озабоченно спросил Михаил. – Вроде гусеницу заело. Ни туда ни сюда.

Нина провернула башню вокруг. Нет, дыма не видно. Позади, почти в линию, идут несколько немецких танков. Они, конечно, видели, как таранили их танк. Нина, не предупреждая механика, выпустила несколько снарядов по переднему танку. Он закрутился на месте. Добить бы. Дважды промазала: торопиться начала.

Михаил крикнул:

– Лейтенант, прикрой меня. Взгляну, что там.

– Куда?! Отвратить!

– Да ладно! Не гибать же...

Михаил открыл люк и вывалился из танка.

Наседали немецкие танки со всех сторон. В башне не продохнёшь от гари и дыма. Иван запарился, подавая снаряд за снарядом в казённый. Можно ли выгадать пару минут?

– Ваня, к автомату! Бей по немцам из люка. Не подпускай пехоту. Серёжа, как ты?

– Отлично, как на сковородке, только масла нет. Ну я им покажу!

Курсовой пулемёт залился долгой очередью. Нина посмотрела через прорезь в башне. Пехота, бегущая за танками противника, залегла и открыла огонь по танку. Но что с танком? Лишь бы не подстрелили Михаила.

Иван, открыв люк, вёл короткими очередями огонь. Высовывался на секунду, давал очередь и прятался.

– Посмотри Михаила, – попросила Нина.

Иван попытался подняться повыше в люке и сразу, словно мешок, упал на дно. Ребристый шлем на голове Вани оказался весь в клочьях, видимо, попала разрывная пуля.

Сердце сжалось у Нины. Неужели всё? Танк теперь как неподвижная мишень для немецких танкистов. Немцам стрелять неудобно, можно по своим попасть. Кругом немецкая пехота: кто на танках, кто крадётся за танками.

Сергей закричал в переговорное устройство:

– Есть, Нина! Михаил тут. Говорит, всё в порядке – камень попал под катки. Ну мы им сейчас дадим!

– Серёжа! Заряжающим становись!

Мотор мощно заревел на полных оборотах. Танк снова был в строю.

– Куда, командир? Командуй, ничего не вижу! – тревожным голосом прокричал Михаил.

– Серёжа – за наводчика.

Нина нырнула к сиденью механика.

– Давай вперёд! – и осеклась, увидев, что всё лицо у Михаила в крови.

– Быстро освободи место.

Михаил торопливо перелез на место радиоста, а Нина перебралась на его место. Уверенно включила скорость, и танк понёсся с единственной целью – не попасть под выстрел.

Михаил тем временем подключил свои наушники к радиостанции и передал:

– Лейтенант, командир роты приказывает отойти на вторую линию обороны немедленно.

– Поняла. Что у тебя?

– Да ничего страшного. Лоб разбил, затекли кровью глаза, жить можно.

– Серёжа, смотри в оба. Бей! – закричала она, увидев впереди своего танка немецкое самоходное орудие, раскрашенное жёлто-зелёными пятнами.

Самоходка не успела выстрелить. Кто-то другой, не Сергей, попал в моторное отделение самоходки, и оттуда сразу же повалил густой дым. Нина, стараясь не попасть гусеницами в траншею или свалить танк в воронку, на полной скорости гнала машину ко второй линии обороны. Нужна во что бы то ни стало передышка и им, и машине. Не осталось ни патронов, ни снарядов.

Вторая линия – за речкой Солотинкой. Нина не знала, сколько прошло времени, не чувствовала ни страха, ни боли от ушибов, но интуитивно понимала, что ещё несколько минут такого напряжения – она потеряет сознание. В голове – шум, в глазах рябило от постоянного мелькания предметов в прицеле или смотровой щели. Мутило от приторного запаха крови, бензина, гари, порохового дыма.

Когда танк, минув все опасности, вышел на вторую линию обороны, бой на первой линии стих. Противник превосходящими силами потеснил наши части, но сломить сопротивление не смог. Нина остановила танк в овраге, открыла люк, а выбраться не хватило сил. Она закрыла глаза и сидела, не шелохнувшись, глубоко вдыхая свежий, пахнувший цветами лесной воздух. Не верилось, что её танк вырвался из смертельного кольца.

Первым выскочил из танка Сергей. Он подбежал к открытому люку механика-водителя и хотел позвать Нину, но вдруг замер. Ему показалось, что она спит.

– Ребята, а ведь мы живы? – неожиданно сказала Нина.

– Ну, лейтенант, хватили мы лиха, думал, не выберемся. Жалко парнишку... Что делать-то теперь? – спросил Михаил.

– Сейчас разберёмся. Где-то тут штаб должен быть, – вылезая из танка, ответила Нина.

В штабе она нашла адъютанта Кириллова. Он объяснил сложившуюся обстановку. В батальоне осталось пять исправных танков. Три сгорело на берегу речки, два подорвались на минах. Большие потери были в других батальонах бригады. Ни один танк не отошёл без приказа. Но и настроение было не из радостных. Как ни дрались, как ни сопротивлялись, а пришлось от-

ходить. Пусть ненадолго, но всё-таки это отступление. Столько танков в одном бою не приходило видеть никому.

Командира роты Нина не нашла. Его замещал командир танка Т-70 лейтенант Кузовлев.

– Контузило командира. Видела, как фугас рванул? Ну вот. А он с танком оказался недалеко от того места... Дело дрянь. Ещё один такой бой – и от бригады останется одно название. Как у тебя?

– Убит заряжающий, ранен механик-водитель. Но уходить в госпиталь не хочет.

– Легко ранен?

– Даже не ранен, а ушиб руку и лоб рассёк. Как бы заражения не было. Мы фрица таранили. А я «тигра» подбила. Где хоронить Ивана?

– Комиссар сейчас придёт – скажет. Ты о грючем и о боеприпасах позаботься. Мы теперь с тобой два начальника на всю роту.

– Ребят жалко. Такие ребята остались там...

– Ты больно-то не настраивайся на похоронный лад. Ещё всё впереди. Видишь, как немец прёт. Соколова наградили орденом Красной Звезды: два танка подбил. И тебя тоже наградят. Вот увидишь. Друг мой Колька Шандыбин погиб. Геройский парень. Как брат был... «Адольф Гитлер» – вот такая дивизия нас атакует. Да ещё «Великая Германия».

– Откуда ты знаешь?

– Меня офицером связи сделали. Носился от штаба бригады к штабу армии. Вроде бы готовится с утра наше наступление...

Ваню похоронили на краю высокого оврага. Поставили над могилой деревянный столбик с дощечкой. На ней написали: «Похоронен Иван Тимофеевич Камышев – танкист из-под Пскова».

И сразу же начали подготовку к следующему дню. Надо получить боеприпасы, заправиться. Михаил торопился подремонтировать танк. Таран не прошёл бесследно для машины, что-то в трансмиссии дребезжало. Пришлось менять траки, помятые во время тарана.

Заряжающим Нины стал новичок – запасной механик-водитель Кеша Образцов, недавно окончивший школу механиков-водителей. Нине хотелось его попробовать как водителя, но всё не было времени, а теперь вот понадобился на другом месте.

Спать почти не пришлось. Нина чуть-чуть дремала перед рассветом. А Михаил с ребятами всю ночь провозились с танком.

Утро наступило росное, свежее. Выглянуло

солнце, и беззаботные лесные птицы подняли шум и гам, как будто не было войны.

– Вот разоралась! Рано птичка запела, как бы кошка не съела, – заметил Михаил, прислушиваясь к лесному гаму.

Они с Сергеем и Кешей только что закончили работу и лежали возле танка на траве грязные, с воспалёнными глазами. Каждому хотелось хоть ненадолго заснуть, но возбуждённая нервная система не хотела успокаиваться.

– Нина устала, спит как убитая, – сказал полужёпотом Сергей. – Молодец она у нас.

– Что уж говорить. Не каждый выкрутился бы из такой кутерьмы. Со всех сторон лезут танки, а она хоть бы что. «Миша, поверни чуть-чуть», – передразнил Нину Михаил. – А сама лупит и лупит. Ванюшки нет... Ты, Кеша, потренируйся на снарядах. Она знаешь как стреляет? Не задумывается: раз – готово, а ты должен успеть снаряд загнать в ствол... Может, ты, Серёга, станешь к пушке?

– А радио?

– Да, и тут надо. Без связи капут. Если бы вчера не услышал команду отступить – мы там бы и остались. Разве бы она стала самовольничать...

– Эх, в баню бы сейчас, да с веником, а потом сто грамм – и на перинку, – добавил Сергей, – жрать охота. Вчера старшина привёз ужин, а я даже ложку держать не мог, а тут Ваня...

Опять замолчали. Каждый невольно задал себе вопрос: «Кто следующий?».

Утренняя тишина нарушилась грохотом, свистом снарядов. Началось наступление, но не наших, а немецких войск. Яростное, отчаянное, словно командование противника решило испытать все свои силы, чтобы сломить сопротивление русских. Налетели «Юнкерсы». Мощно, многогласно загудели впереди, перед речкой, немецкие танки. Бой с первых же минут вскипел яростными танковыми атаками. Шли танк на танк.

На этот раз Нина долго вела огонь с места. И скомандовала Михаилу сменить позицию только тогда, когда получила приказ отойти километра на два назад, на окраину небольшой деревушки. Михаил, пренебрегая опасностью, открыл люк. Надо осмотреться: недолго наскочить на мины.

Редкая цепь наших пехотинцев передвигалась впереди по краю оврага. Сапёров не видно. Бой, вроде бы стихавший, вдруг разгорелся с новой силой. Всё вокруг загремело, засвистело. Немцы пошли в новую атаку.

– Сволочи, осмотреться не дадут, – ругнулся Михаил. – Лейтенант, куда теперь? Командуй!

– Миша, назад! – закричала Нина. – Фугас под носом!

Танк споткнулся и медленно, словно нащупывая дорогу, попятился.

– Куда? Куда тебя несёт? Стой! Да не тебе, Миша! – сказала Нина механику. – Мальчишка на дороге.

Теперь и Михаилу хорошо видно, как, не пригибаясь и не прячась, от покосившейся ограды старенького дома бежал мальчишка лет двенадцати. Он размахивал руками и что-то громко кричал. Его высокий голосок прорывался за броню сквозь грохот мин и снарядов. Мальчишка бежал, легко перепрыгивая через неглубокие и частые воронки. На секунду он скрылся в придорожном кювете, на четвереньках выбрался из него и снова бежал к танку. Тяжёлый снаряд рванул где-то позади дома. Мальчишка упал в метрах десяти от танка. Михаилу было видно, как он, широко открыв рот, часто-часто дышал и испуганно смотрел на танк. На нём старая рваная рубашонка и короткие штанишки. Длинные, давно не стриженные рыжие волосы торчали во все стороны.

– Давай сюда! – крикнул Михаил мальчишке. – Тебе что, жить надоело? Ты чего здесь носишься? – Кое-как просунул его в танк.

– Дяденька, дяденька! Нельзя сюда, – едва переводя дух, с перерывами, торопясь, сказал мальчишка. – Мины... Я знаю, где проехать. А там, за домом, – два танка, немецкие. По деревне стреляют. Меня мамка послала...

Нина склонилась над мальчишкой.

– Без тебя, вояка, точно не справимся. А ну показывай, где танки, куда ехать.

Мальчишка с любопытством выглядывал из-за спины Михаила. Для него он главный командир. Даже не обратил внимания на слова Нины.

– Дяденька, прямо, где я бежал. Там тропка. А мамка в погребке. Скорее, дяденька!

– Миша, как видимость? – спросила Нина. – Парнишка дело говорит. Слышишь, бьют? Танки.

– Ударим, командир. Тропку вижу.

Танк рванулся с места, легко перемахнул дорогу, как соломинку, подмял изгородь и обошёл дом.

– Малый ход, Миша. Вижу танки. Молодец, хлопец. Чуть тронь вперёд, Миша, берёзка мешает. Стой!

Недалеко от дома, под косогором, два немецкого танка стреляли из пушек и пулемётов. Видимо, попали в трясины и не могли сдвинуться ни назад, ни вперёд.

– Огонь! – сама себе скомандовала Нина.

– Есть, ребята! – крикнула Нина, увидев после выстрела дымок над моторной частью немецкого танка. – Огонь! – ещё раз скомандовала Нина и почувствовала, как вздрогнул её танк от тяжёлого удара. Это второй немецкий танк послал ответный снаряд.

– Миша! Назад! – скомандовала Нина.

Но было уже поздно. Танк натужно взревел, однако с места не тронулся, а только развернулся влево.

– Командир, ходовая перебита! Стреляй скорее! – закричал Михаил.

Нина старалась не торопиться, прицелилась под основание башни немецкого танка и нажала кнопку спуска, увидев в прицел, может быть, на сотую долю секунды раньше, чем раздался выстрел, вспышку из немецкого танка. Выстрелила почти в одно время с немецким танкистом...

Очнулась Нина от настойчивого стука чем-то металлическим в крышку верхнего люка. Темно. С трудом поднялась с пола, нащупала кнопку аварийного освещения, не понимая, что с ней и экипажем.

– Миша, ребята, что с вами?

В ответ ни слова. Только слышно, как стонал не то Кеша, свалившись под пушку, не то Сергей. Михаил сидел неподвижно на своём месте, зажав голову руками.

– Ребята! – закричала Нина в испуге.

Она с трудом добралась до стопора крышки люка.

– Откройте! – услышала Нина женский крик.

Преодолевая боль во всём теле, Нина потянула стопор на себя. Пружина резко отбросила крышку.

– Лёнька тут мой? Где Лёнька? – закричала женщина, заглядывая в люк.

От свежего воздуха у Нины потемнело в глазах, и она, не отпуская поручней, повисла на ручках.

Женщина закричала, как ревет по покойнику.

– Ну-ка посторонись! – раздался спокойный чуть хрипловатый голос.

Пожилой пехотинец осторожно отстранил женщину от люка, сильно ухватился за руки Нины и, напрягаясь изо всех сил, медленно вы-

тянул из танка обмякшее тело, положил тут же. Женщина осторожно подсунула руку под голову Нины. Только теперь женщина разглядела, какой молодой танкист, почти мальчишка, с ещё по-детски припухшими губами. Она одной рукой начала расстёгивать пуговицы на комбинезоне и вдруг отдернула руку, словно обожглась.

– Да никак девчонка?! – вскрикнула женщина. – Это что же творится-то!

Нина приоткрыла глаза и снова закрыла их.

– Принимай ещё одного! – раздался приглушённый голос из люка. – Жив твой Лёнька, только сомлел чуток. Духотища тут. Бери под руки, да не суетись ты, не реви.

Мать легко вытянула сына из люка. Его рыжая головка безжизненно свалилась на плечо матери. Женщина долго стояла с ним, прислонившись к башне танка, прислушиваясь к тихому биению маленького мужественного сердца.

– И этот живой! – услышала она из глубины танка. – В рубашке родились – болванка прошила борт насквозь, а ничего, отделались! Э, да тут ещё двое...

К танку подъехала легковая машина. Из неё вышел невысокого роста пожилой грузный человек.

– К орденам всех! – крикнул он следовавшему за ним адъютанту. – Это же герои. Спасители наши. Ну-ка, кто тут отличился?

Из командирского люка высунулась голова пехотинца.

– Вылезай, герой!

– Да я, товарищ генерал, не герой. Я – после драки. Герои лежат вон на травке, контузило их, бедных...

Весь экипаж танка и Лёньку отправили в госпиталь. Командир стрелковой дивизии доложил командующему армией о подвиге танкистов. Командующий наградил всех орденами Отечественной войны первой степени...

6

Нина очнулась от воспоминаний. Это Клава будит её.

– Нина, посмотри вниз. Какая красота под нами.

Самолёт летит над горами. Входящее солнце освещает их, и они кажутся ещё более величественными.

Нина вспоминает, как она воевала в Карпатских горах, как первая на своём танке ворвалась на Дуклинский перевал...

В начале августа 1944 года третий раз за время фронтовой службы ехала Нина Бондарь из госпиталя в свою танковую бригаду. Хорошо, что на небольшой железнодорожной станции ей попался на глаза знакомый танкист из её бригады. Он рассказал, как найти штаб танкового корпуса, а там рукой подать.

Ехала на попутной машине и во все глаза смотрела на незнакомую страну. Поляки встречали по-разному: одни по-хорошему – смеялись и разговаривали, эти радовались приходу русских солдат; другие – молчали, и в их молчании скрывалась ненависть. Не сразу Нина поняла, откуда эта ненависть. Все – паны, но паны-то разные. У одного хата как дворец, а у другого только-только голову можно в дверь просунуть. Пол земляной, печурка малюсенькая. Дом кажется ненастоящим, временным, вроде солдатского блиндажа. Одним словом, беднота.

Зато сады какие! Яблоками, грушами – хоть объедайся. Радовало Нину и тёплое лето, и то, что нашла свой танковый корпус, возможно, найдёт и своих ребят.

Но чем ближе фронтовая линия, тем спокойнее становилось на душе у Нины. Как её встретят? Снова ли придётся доказывать свои права? Или, может, кто-нибудь остался из старых командиров и помнит её?

О многом передумала Нина, пока добиралась до штаба корпуса, а затем до штаба бригады. Везде встречали хорошо, приветливо. Не забыли её. И это больше всего радовало. Как бы домой возвращалась. Но ни командира батальона, ни знакомых командиров рот она не встретила. Кто погиб, кто отлёживался в госпиталях.

Назначенный командир батальона майор Терёхин уже слышал о девушке-танкисте и не очень удивился, когда она ему представилась. Он даже обрадовался, что она снова попала в свою часть.

– ИС хотите? Хорошая машина. Только что получили, – предложил комбат.

ИС – тяжёлый танк «Иосиф Сталин».

– Товарищ майор, я не знаю этой машины и её качеств, – честно призналась Нина. – Вдруг не получится. Такая громадина.

– У вас получится. Экипаж сами подберёте. Кажется, ваш механик-водитель тоже ищет работу. Спросите у старшего адъютанта.

– Миша Толмачёв вернулся?! – обрадовалась Нина. – Это же здорово, товарищ майор!

Знаете, что это за человек?! Мне больше никого не надо. С таким человеком, конечно, возьму ИС.

– Ну и договорились. На подготовку совсем мало времени остаётся. Поторопитесь.

– Есть, товарищ майор!

Нина козырнула и, выйдя из хаты, которую занимал командир батальона, побежала искать Михаила. А он тоже от кого-то узнал о возвращении Нины. Встретились как родные. Нина, не стесняясь никого, кинулась к нему, расцеловала.

– Ой, какой ты худющий! Не кормили, что ли?

– Кормили, но плохо. Ничего, тут ребята подправят.

– Ну ладно, я тебя обрадую. Нам дают новенький ИС. Только получили. Не знаешь, где наши ребята?

– Кешу направили в учебную часть. Пополнение готовить. А Серёга... Нет больше Серёги. Умер в госпитале.

Это её ошеломило. Она неожиданно для себя расплакалась. Как в детстве – навзрыд.

– Ну что ты, лейтенант, зачем так?

Ему хотелось сказать Нине какие-то особые слова, такие, чтобы в них можно было выразить ей уважительную любовь, особую, взрослую, вроде отцовской. А слов не находил. Он привлёк к своей широкой груди беззащитную голову лейтенанта и погладил, как, бывало, в детстве Нину гладила мать.

– Всё будет хорошо. Экипаж есть. Не надо плакать, Нина. Ни Серёгу, ни Ивана теперь не вернёшь. Вон сколько на нас смотрит народу.

Нина как-то забыла от волнения о том, что они не одни с Михаилом. Посмотреть на необычного лейтенанта сбежалось много танкистов. О Нине уже легенды начали слагать. И про то, как её танк с боями прошёл без ремонта и без единой пробоины от Воронежа до Белгорода, и о том, какой был у неё дружный боевой экипаж, и как мальчонка их на немецкие танки вывел. И что награждена она двумя орденами Отечественной войны (первой и второй степени) и орденом Красной Звезды, который сгорел в её танке, а у Нины полностью выгорели волосы, и поэтому она целый год ходила в шлемофоне, не снимая, пока волосы не отросли. И ещё знали, что по числу подбитых танков ей бы уже надо всю грудь увешать орденами, но так получилось, что писать наградные листы после боя было некому: редко когда оставались в строю командиры.

– Ладно, не буду, – смущённо сказала Нина. – Ну что, принимаем ИС?

– Понимаешь ли, Нина, трудно с ним. Ребята уже хватили с ним лиха. Неповоротлив.

– Зато броня и пушка какие!!!

– Зачем нам гадать? Не на базаре. Какой дадут, тот и бери. Справимся.

Экипаж подобрался хороший. Стрелок-радист Николай Ерёменко – спокойный высокий парень. Он из колхозников. Поэтому с Михаилом сразу нашли общий язык. Заряжающим стал Сеня Попов, недавно вернувшийся из госпиталя. Горел в танке, но удачно избежал ожогов и сам снова попросился в танк. Значит, настоящий танкист. К тому же он мог водить танк, стрелять из пушки и пулемёта.

И началась снова фронтовая жизнь. Танковый корпус находился в резерве Ставки главного командования, и его бросали с одного участка на другой.

В середине августа танковый корпус, подерживая наступление войск Первого Украинского фронта, перешёл в стремительное наступление. Нина проснуться толком не успела, как рано утром её громадный, трудно управляемый с непривычки ИС был погружён на понтонный паром, чтобы переплавиться через довольно широкую и глубокую реку Вислу на западный берег, на который уже вышли стрелковые подразделения. Такой стремительности Нина ещё не видела.

Паром плыл на буксире за двумя моторными трескучими лодками. Нина сидела на краю башенного люка. Михаил ходил вокруг танка, присматривая, чтобы он при качке не скатился в какую-нибудь сторону. Очень уж шаткая эта штука – паром. Стрелок-радист Коля устроился на месте механика-водителя и рассматривал приборы, примериваясь, как бы он в случае нужды повёл танк. А Сеня просто дремал, прислонившись к башне танка. Из-за треска буксирных моторов поздно слышали команду: «Воздух!». Прямо на них пикировали немецкие бомбардировщики. Нина даже видела, как от первого самолёта отделилось несколько бомб. Через несколько секунд они засвистели пронзительно и противно.

– Перелёт, – определила Нина и быстро развернула пулемёт стволом в небо. На ИС он находится на башне танка и приспособлен для стрельбы по воздушным целям. Она выпустила очередь из пулемёта.

Следующая серия бомб разорвалась вблизи них, волной круто накрыло понтон, и танк свалился в речку. Нина едва успела выскочить из люка и, упав в воду, торопливо отплыла в сторону.

– Нина! Нина! – услышала она сквозь шум самолётов и залпы зениток.

В метрах пяти от неё барахтался в воде Михаил. Но где остальные ребята из экипажа? Ага, вот ещё один. Это стрелок-радист Коля. Он испуганно хватал воздух ртом, беспорядочно шлёпал руками по воде, хотя было видно, что плавать умеет. Только в себя не может прийти, наверное, пока выбирался из танка, нахлебался воды. Нина подплыла к нему сзади и схватила за воротник комбинезона. Приподняла его голову над водой. Радист несколько раз струёй выпустил изо рта воду, откашлялся и, высвободившись из рук Нины, погрёб к берегу.

Михаил тем временем выловил в воде Сеню. С ним было хуже – сильно ранен в плечо. А тут «Юнкерса» сделали очередной заход на бомбёжку. Грохот разрывов, столбы воды, свист осколков, стрельба зенитной артиллерии с берега – всё слилось в один гул. На счастье танкистов, из облаков вынырнули несколько наших истребителей, отогнали немецкие самолёты, и сразу наступила относительная тишина на переправе.

Нина старалась помочь Михаилу доплыть с раненым до берега. Пехотинцы увидели, как тяжело приходится танкистам. И хотя они плыли на резиновой надувной лодчонке, которая едва держалась под тяжестью трёх солдат с пулемётом, но танкистам помогли.

– Эй, ребята, цепляйтесь на буксир! Мы видели, как вы тут с танком загремели.

Нина ухватилась за лопатку-весло. Михаил одной рукой держал голову Сени над водой, другой тоже ухватился за лодчонку. Так вшестером и добрались до берега.

Среди плывущих солдат на лодке был сержант. Он помог выбраться Нине на берег. И был очень удивлён, узнав, что спас девчонку-танкиста.

– И как тебя угораздило? Что, дома делать нечего? Или жених на фронте?

Нина ещё в себя не пришла от невольного купания, а он уже допрос устроил. Серdito ответила:

– Не ваше дело.

– Да нет, я так, извините, товарищ лейтенант. Сразу-то не разглядел, кого спасал. Я не хотел

обидеть. Только чудно как-то. В тылу такие ухари сидят, а вы вон куда, да ещё с танком. В жизнь бы не поверил, если бы сам не видел.

Разговаривая, он помог Нине снять мокрый комбинезон, сапоги, отгородил возле прибрежных кустов плащ-палаткой местечко, чтобы Нина могла снять и наскоро выжать обмундирование. А Михаил стоял возле переправы, где выходили на берег танки с понтонов.

Командир роты увидел Михаила, закричал:

– Где Бондарь? Жива?

– Жива, товарищ капитан! Наш танк утонул.

– Знаю. Видел. Вон там идёт один танк, экипажа нет – бедняги сидели сверху, всех убило. Как причалит, заводи и на берег. Задачу Бондарь знает. Садитесь и догоняйте роту.

– Так у нас теперь нет башенного, ранило его.

– Ничего. Где-нибудь найдёте. Сейчас – только вперёд! Командир бригады уже там, – он махнул в сторону предполагаемой передовой, где разгорался бой.

Тут как раз и Нина подошла, и с ней сержант-пехотинец. Радист Коля ещё лежал недалеко от переправы, его рвало водой. Он умоляюще смотрел на Михаила, боялся, как бы про него не забыли и не оставили на берегу.

– Товарищ лейтенант, вон наш танк подходит, – обрадованно крикнул Михаил, когда Нина приблизилась, – тридцатьчетвёрка.

Командир роты уже поднялся на свой танк и что-то кричал в сторону Нины, но его слов понять было невозможно. Тогда он пальцем показал на Михаила, а потом себе на губы. Нина поняла, что Михаил расскажет.

Паром уже уткнулся в берег. Михаил перепрыгнул на него. Четверо танкистов, кто на башне, кто на моторной части, истерзаны осколками так, что смотреть невозможно. Кровь залила весь танк, и Михаил не знал, что делать с такой машиной.

Немного подумав, Михаил забрался внутрь, завёл мотор и, как только сапёры канатами закрепили паром, осторожно вывел танк на берег.

Подбежали санитары с носилками и занялись своим делом.

Пришёл бледный заряжающий Сеня Попов. У него были перевязаны рука и шея.

– Я отказался ехать в госпиталь, товарищ лейтенант, – обратился он к Нине.

– А что можешь делать? Ну-ка рукой пошевели.

Сеня пошевелил, помахал.

– Рука – ерунда. Тут вот в шее что-то хрустит, но до вечера выдержу.

– Ну смотри не хныкай. Не к теще едем на блины.

Нина обошла танк кругом. Тридцатьчетвёрка, видимо, из капитального ремонта.

– Сержант, садись, заряжающий у нас ранен, – обратилась Нина к пехотинцу.

– Не могу, товарищ лейтенант. Впереди моё отделение. Вы лучше скажите, где вас после войны искать.

– Это зачем же?

– А там видно будет.

– Город Бийск. Алтай. Бондарь Нина. Я там одна такая.

– А я Пётр Ширяев. Сватов ждите.

– Иди-иди, жених нашёлся. Фашист сейчас женит... – сердито сказал подошедший стрелок-радист Николай.

Он уже откашлялся, хотя был бледным и едва держался на ногах.

– Ох, испугался! Бегу! Не до тебя, утопленничек. До свидания, товарищ лейтенант, в Бийске. Мы же в одной реке теперь крещёные. Теперь нас водой не разлить, – сказал сержант и убежал.

А Нина, задумавшись, долго смотрела ему вслед, пока он не скрылся за невысоким холмом. Вдохнула. Чем-то понравился ей этот сержант, как никто ещё не нравился.

– По местам! – скомандовала Нина.

Танкисты заняли места. Тридцатьчетвёрка – родной танк, всё тут знакомо, как в хорошо обжитой квартире. Только одна беда – все личные вещи, какие у них были, утонули.

Танк сначала осторожно прокатился, чуть рокоча мотором, а потом Михаил включил на полную скорость. Танк рванулся вперёд.

Михаил закричал Нине в переговорное устройство:

– Недаром тот был нам не по душе. Вот его и прибрала река. Жалко, но этот лучше. Вон он какой!

Михаил крутанул на полной скорости танк влево, потом вправо и, словно на разгорячённом коне, выскочил на высоту.

Нина быстро сориентировалась в обстановке. Несколько наших танков утюжили траншеи противника. По ним вели огонь противотанковые пушки с окраины села. Туда Нина и направила танк.

- Заряжай! Миша, дорожку!
- Есть дорожку! Дорожка!
- Выстрел!

Нина с первого выстрела уничтожила вражеский оружейный расчёт. Михаил вывел танк во фланг немецких артиллеристов. Те не успели развернуть пушки, и танк Нины прошёл по станинам орудий гусеницами. Батарея перестала существовать...

К середине дня танк Нины, целый и невредимый, присоединился к своей роте. Наши танки вклинились километров на двадцать в оборону противника. Заканчивались боеприпасы, горючее в танках и машинах. Нужна была хоть короткая передышка.

Командир батальона собрал командиров танков возле небольшого дома.

– Командование нам объявило благодарность за активные действия, – начал он без всякого предисловия. Он устал так же, как остальные танкисты, вытирал ежесекундно пот с лица. – Немец скоро пойдёт. Занимайте оборону, но так, чтобы в наступление можно было сразу перейти. Горючее и боеприпасы скоро будут. На переправе застряли. Там бомбят не переставая. А, лейтенант Бондарь, – обрадованно сказал комбат. – Я сразу-то не заметил вас. Молодец, товарищ лейтенант. Я видел, как на батарею налетели. Только в другой раз будьте осторожны. А если бы было минированно?

– А я же с фланга. Когда им успеть?

– Ну всё равно. Рискованно. А вообще, замполит готовит наградные листы и на вас тоже. Как машина?

– В порядке. Горючее на исходе, и не ели мы с вечера.

– Всё будет. По машинам, товарищи! Пока не начался обстрел.

Командиры танков быстро разбежались по своим машинам. Большинство замаскировали танки возле избышек. Тут не было сёл, а всё больше хуторки по два-пять дворов. Нина не стала прятать танк на хуторе. Сюда, определила она, в первую очередь полетят снаряды и будут бомбить вражеские самолёты.

Они с Михаилом нашли чуть заметную высотку и перегнали танк на неё. Низкорослый кустарник надёжно укрыл танк от немцев, и в то же время Нине было хорошо видна местность перед высоткой.

Танки вырвались вперёд пехоты, и только сейчас стали пробегать мимо танка Нины небольшие группы пехотинцев.

Нина присматривалась к каждому пехотинцу. Ей хотелось ещё раз увидеть того голубоглазого сержанта. Но он не появился. А через несколько минут началась атака противника.

Как и рассчитывала Нина, первый удар немецкой артиллерии пришёлся на хутор. Туда налетела и вражеская авиация. А танк Нины оказался вроде бы как в засаде. И когда пришла пора отбиваться от наседающих танков и автоматчиков, её танк сыграл решающую роль. Дважды Нина останавливала немецких автоматчиков, отсекая их огнём пулемёта от танков. А с танками ничего поделаться не могла – не было бронебойных снарядов. Два подкалиберных оставила как энзэ, на крайний случай. Он, этот случай, наступил раньше, чем она думала. Разгадали немцы, где стоит её танк, и с трёх сторон пошли на неё.

Нина передала командиру роты по радиации:

– Меня атакуют танки, поддержите огнём. С двумя справлюсь. Нет снарядов.

– Нина, держись, – ответил он. И Нина услышала его команду: – Пятёрка! Жми к Нине. Видишь её?

– Не вижу, но знаю, где она. Нина, держись!

– Держусь, ребята. Ага, вот...

Нина не договорила. В прицеле показался медленно выбирающий дорогу немецкий танк.

– Подкалиберным – заряжай! – крикнула Нина Сене.

– Готово!

Нина выстрелила прямо в лоб немецкому танку. Танк остановился и замер. Так до конца боя он и не подал признаков жизни. У второго танка подбила гусеницу. Кто-то из пехотинцев подкинул ему под вторую гусеницу гранату, и на этом месте вскоре поднялся столб чёрного дыма. Третий танк боя не принял. Попятился и спрятался за рощей.

И так весь день до вечера бой то начинался, то неожиданно затихал, чтобы через час-полтора снова начаться...

И опять Нина даже в самые беспокойные минуты, удивляясь сама себе, вспоминала голубоглазого сержанта-пехотинца.

«Вот дался он мне», – сердилась она на себя и тут же пыталась припомнить, какие у него брови и почему он чуть-чуть прихрамывает.

Вечером, когда немного стемнело, командир роты приказал отвезти танк в тыл на заправку горючим и боеприпасами. Надо было передохнуть и танкистам. Они одурели от угара, копоты.

Хорошо, что в своём танке Нина нашла канистру с водой, а то бы от жажды совсем развезло.

Не успели отужинать, как прибежал посыльный от командира батальона и приказал немедленно вывести танк к переправе.

– Ну началось! – ворчал Михаил. – Только горячее жжём.

– Горячее что? Пустяк, – сказал радист Коля, – опять через реку...

– А тебе теперь бояться нечего. Проверен, – засмеялся Сеня, – такое добро, как ты, не тонет.

– А ты – так прямо золото. Тоже пузыри пускал, да не потоп. Мне танк наш жалко. В нём махорки две пачки утонуло...

– После войны достанешь.

– После войны я курить брошу. У меня внутри нагар – керосином не отмоешь. Но не к добру нас перегоняют. Такая у нас позиция была. Тот, первый-то подбитый танк, посмотреть бы... Скис сразу. Здорово вы его, товарищ лейтенант! – и, повернув голову в сторону Нины, осёкся. Она, как сидела на траве, опершись спиной на гусеницу танка, так и заснула. Рядом спал и Михаил.

– Глянь, Николай, спят.

– Пусть. Десять минут дадим им поспать, – сказал почти шёпотом Николай. Они замолкли минут на десять. Потом Николай осторожно приоткрылся к плечу Нины.

– Товарищ командир, – он ещё не привык называть её по имени, – а товарищ командир, пора!

Нина сразу же проснулась. Присмотрелась к чуть светящемуся в темноте циферблату часов.

– Да, пора, – сказала она, как будто и не дремала, а только на минуту прикрыла глаза.

Михаила же разбудили, только облив водой. Сказались и купание в реке, и бессонные ночи, и трудный суматошный день.

Возле переправы их уже ждал командир батальона. Он посветил фонариком карту и указал Нине, куда направить танк. Она некоторое время не могла сообразить, куда ехать. Потом удивлённо сказала:

– Так это же на той стороне, за Вислой.

– Ну наконец поняла, – засмеялся он. – На той. Выходим из боя. Тут и без нас справятся.

На переправе был уже не паром, а понтонный мост. По нему шли и шли войска. В одну сторону шли машины, гружённые снарядами, ящиками с патронами. Обрато они везли в основном раненых.

Танкисты недоумевали, почему они уходят в самый разгар боёв, но приказ есть приказ. Только позднее они узнали, что были участниками боёв на знаменитом Сандомирском плацдарме, на котором полегло немало советских бойцов. Но как немецкое командование ни пыталось сломить упорство наступавших частей Советской армии бомбардировками и контратаками – ничего поделывать не смогло. С этого направления потом началось наступление на Берлин!

А танковый корпус резерва Ставки главного командования перебросили на такой участок фронта, где, казалось, и пехоте-то не пройти. В Карпаты.

Трудными тут были не бои, а переходы. Так казалось Нине. По карте вроде бы совсем немного насчитывалось километров, но, присмотревшись внимательнее, Нина окликнула Михаила:

– Ты смотри-ка, куда нам идти. Это же сплошные горы. Тут всего одна дорога.

– Значит, так надо.

– Понятно, что надо. А пройдем? Я это к тому, что надо танк приготовить. Бери ребят, запасайся брёвнами, канатами.

– Понял. Сделаем.

Нина предполагала, что командование бригады соберёт командиров и объяснит обстановку. Судя по картам, какие получили в штабе батальона, предстоит марш по горным дорогам, вернее, по одной дороге.

Но никаких объяснений не последовало. В лесу, где сосредоточилась танковая бригада и другие части – сапёрные, стрелковые, артиллерийские, Нина услышала незнакомую речь. Это не поляки и не украинцы говорили. Догадалась – чехи или словаки. А там, за горными перевалами, находится их родина – Чехословакия. Но почему туда выбран такой путь, не поняла и гадать не стала.

Радист Коля кое-что пояснил:

– Сам слышал по радио: словаки подняли восстание против немцев и просят, чтобы мы скорее пришли на помощь.

– Интересно, – сказала Нина, – к ним по воздуху только и можно добраться. Угробим машину на таких участках. Как думаешь, Михаил?

– А что тут думать? Скажут и поедем.

Командование ничего не сказало, но танки обеспечили длинными прочными тросами. Инспектирующие несколько раз проверили наличие в танках лопат, топоров, пил. Приказано

было на каждый танк дополнительно установить несколько бочек с горючим и маслом. Механикам-водителям показали приёмы преодоления горных перевалов, лесных завалов, крутых спусков и подъёмов.

Восьмого сентября Нине приказано было вести танк по дороге Беско – Трнавка – Дукля, быть готовой в любую минуту к отражению вражеских атак. Началось наступление тридцать восьмой армии с целью оказания помощи восставшему народу Словакии. Вместе с советскими войсками наступал и Первый чехословацкий армейский корпус.

За годы войны Нина всякого насмотрелась и ничему не удивлялась. Но тут на долю танкистов выпали небывалые испытания. Единственная дорога вилась серпантинном по склонам гор, спускалась в ущелья, поднималась на сопки. Не свернуть, не обогнать впереди идущего. Машины или танки, остановившиеся из-за поломок, без разговора сталкивались с дороги в пропасть. На десятки километров вытянулась лента из пехотинцев, танков, автомашин с пушками и боеприпасами. Как стервятники, над колонной кружили с утра до вечера немецкие бомбардировщики, но не так-то просто попасть с высоты в узенькую ленточку горной дороги. Бомбёжки делали много шума, но потери от них были небольшие. Хуже бомбёжек были обороняющиеся подразделения противника. Смять бы их, раздавить танками. Но как? Поместиться на дороге может только один танк, и его могут подбить в любую минуту.

Подбитый танк сменяется очередным, чтобы через несколько километров пути вспыхнуть чёрным дымом. В начале пути танк Нины шёл где-то в середине колонны, но чем ближе подходила голова колонны к перевалу, тем всё больше и больше выдвигался её танк вперёд. Михаилу особенно доставалось на этой горной дороге. Постоянно был начеку. То слева провал, то справа, того и гляди, как бы не свалиться в пропасть или не врезаться во впереди идущий танк.

Уже перед самым Дуклинским перевалом разгорелся продолжительный и кровопролитный бой. Немцы здесь заранее оборудовали оборонительный рубеж, пристреляли наиболее заметные на местности точки и чувствовали себя очень уверенно, считая, что их оборону невозможно пройти. Основания для этого были. А тут ещё начались дожди, и дорога стала почти непреодолимой для танков и автомашин.

Перед подъёмом на перевал танковой роты дали небольшую передышку. Командир роты нашёл в лесу небольшую хорошо укрытую вековыми дубами и орешником от немецких самолётов площадку. На неё и собрались танкисты.

Они понимали, что такая передышка – минутное дело. Механики-водители, едва остановились, занялись проверкой технического состояния танков. Тяжёлым испытанием оказалась эта дорога. Но тридцатьчетвёрки выдержали. Из-за неисправностей никто в батальоне не отстал.

В лесу было сыро, неуютно. Мелкий дождик моросил и моросил. В такой непролазной жиже не то что на перевал подниматься, а танки с места не смогут сдвинуться.

Вечером, когда танкисты наскоро поужинали, командир роты созвал командиров взводов и экипажей. Устроились под ветвистым дубом. Лампочку, горевшую от аккумулятора, не маскировали – никто в такую темень и за дождём её не увидит.

Командир роты ознакомил собравшихся командиров танков с задачей, поставленной командом:

– Дело такое, ребята. Достаньте карты. Смотрите! Вот перед нами высотка. Мы – ниже. На высоте – укреплённый оборонительный узел. Его надо взять во что бы то ни стало, взять с тыла. Наша рота ударом с высоты... смотрите южнее – вот с этой... должна разгромить этот узел. Ясно? – спросил он командиров.

Все с удивлением уставились на командира роты.

– Ну чего смотрите? Спрашивайте...

– А без загадок нельзя? – спросила Нина. – У нас крыльев нет.

– Вот что значит – женщина. Она сразу берёт быка за рога. В том и задача, чтобы без крыльев попасть на ту высотку. И чтоб завтра к середине дня. И ударить так, чтобы мокрое место от фрицев осталось. Подниматься будем вот здесь. Смотрите на карте.... Отсюда танкам надо подняться на вершину, а там уже сами скатимся. Помогать нам будет рота сапёров. Но и самим тоже надо думать. Утром в шесть ноль-ноль выходим.

Кто-то уже успел посчитать, что надо сделать подъём почти на километр по высоте и десять с лишним километров пути подъёма по бездорожью. За полдня не успеть. Только бы дождя не было.

– Успеть обязаны. Нас стрелковые роты там ждать будут. Без нас всем будет плохо, – ответил командир роты спокойно.

Верил ли он в возможность пройти? Или он старался поверить в это, чтоб и остальные поверили?

Ночь стояла прохладная, ветреная. Нина почти не спала, проворочавшись на жёстком брезенте, прикрывшем траву и ветки, собранные в лесу. Ребята в танке, кто где смог, уснули. Михаил так измотался за день, что уснул, едва прикоснувшись щекой к свёрнутой телогрейке.

Нина проснулась рано и долго лежала, размышляла. Что принесёт этот день? Подняться на горные кручи с танком? Командование говорит: «Нужно». Значит, можно. Значит, уже с кем-то посоветовались, провели разведку, выбрали маршрут. Только бы танк не подвёл. Но дорога...

«Пора», – подумала Нина и только хотела разбудить Михаила, как рядом загудел мотор танка.

– Подъём, ребята!

Когда Нина заняла своё место в танке, лес уже наполнился грохотом ревуших моторов. Машина командира роты начала прокладывать дорогу в лесу. Позднее Нина узнала, что впереди машины командира роты шёл проводник из сапёрной роты и показывал дорогу. По этой колее двинулись и другие танки. Машина Нины шла, как обычно, третьей.

Михаилу приходилось всё время объезжать могучие стволы дубов. Он понимал, каково приходится впереди идущему танку. Сначала дорога шла под уклон, ну вот начался небольшой подъём, и танк забуксовал, зарывшись гусеницами по самые оси катков. Танкисты знали, что делать. Они закрепили бревна на гусеницы – лишь бы под грязью был крепкий грунт. Танк сам себя и вытащил. И так, по считанным метрам, пришлось преодолевать заболоченный участок. А потом, когда подошли к перевалу, с которого надо атаковать противника, стало ещё хуже. Крутой подъём. Земля в лесу превратилась в сплошную жижу от проливного дождя.

– Пойду посмотрю, – сказал Михаил.

Там он увидел сапёров, которые распутывали толстые тросы. Поднявшись выше, откуда спускались тросы, Михаил понял, что задумало командование. Тут уже всё было приготовлено для подъёма танков. Мощные лебёдки закреплены за толстые, чуть ли не в два обхвата ду-

бы. И так, в несколько этапов, будут поднимать танк до самого перевала.

Михаил прибежал повеселевший.

– Порядок, товарищ лейтенант. Там такая техника, вознесут нас – и глазом не успеем моргнуть. А я думал, своим ходом. Сожгли бы мотор...

И вот танк командира роты, натужно ревя мотором, медленно пополз в гору и скоро скрылся за деревьями. Нина командовала Михаилу, чтобы он подогнал танк к месту подъёма. Подошедший командир сапёров приказал всем, кроме механика-водителя, покинуть танк.

– Если сорвётся, то наделает дров. Так что лучше, чтоб все были в стороне.

– А нельзя, чтоб без дров? – с улыбкой спросил радист Коля.

– Стараемся, – серьёзно ответил командир сапёров. – Там наверху пехота вас заждалась. Они со вчерашнего вечера сидят под дождём, мокрые и голодные. Без танков соваться бесполезно. Ждут, чтобы внезапно атаковать, – объяснил сапёр Нине, когда она с экипажем покинула танк.

Командир сапёров, молоденький капитан, весь промок до нитки. И от капитана шёл пар. Оборудовать такую горную переправу ему ещё не приходилось, и поту он тут пролил немало. Капитан так был измучен, что даже не обратил внимания на девушку-танкиста.

Сапёры быстро закрепили тросы на крюках танка, объяснили Михаилу, как держать скорость и какой, в случае чего, ждать беды. Михаил заверил их, чтоб не сомневались. Сделает как надо.

Капитан дал команду, и танк полез в гору, на которую смотреть – сердце замирает.

Цепляясь за траву, за кустарник, карабкались в стороне за танком танкисты. Метров через пятьдесят танк остановился в выемке, выкопанной сапёрами. Тут его прицепили за другие тросы, и снова начался подъём. Так с пятью остановками танк поднялся на гребень высоты. Дальше тропа была каменистая, и танки пошли в гору своим ходом. В район сосредоточения вышло только три танка из пяти. Один застрял в болоте, а у другого отказал мотор.

– Трое нас, – доложил командир роты, когда прибыл к командиру стрелкового батальона, с кем предстояло штурмовать укреплённый узел противника.

– Три – это здорово! И как вы тут оказались? Ни за что бы не поверил, если бы тут ты не сто-

ял, — удивился командир батальона, пожилой майор. — Мне ещё вчера сказали: «Будут тебя поддерживать танки». Думал: «Так, для успокоения говорят». Приказали без танков не наступать, немцы с этой стороны даже охранения не поставили. В шестнадцать часов начало атаки. Готов?

— Почти. Покажи, куда нам стрелять. Тут же сплошной лес. По своим бы не попасть.

— Смотри! — комбат развернул карту. — Видишь — высота? Это — мы с тобой. Слева наступают чехи — боевые ребята. А вот лес кончается, там позиции противника. Там то ли два дота, то ли танки закопанные, не разберёшь по звуку. Вот их тебе надо выковырнуть...

Нина осмотрела танк, проверила пушку, пулемёт. Приказала Семёну протереть снаряды, вместе протёрли ствол пушки.

Ровно в шестнадцать ноль-ноль начался бой. Немцев ошеломило появление танков и пехоты в своём тылу, и они сдались почти без сопротивления. Только один, хорошо замаскированный и закопанный танк, долго вёл огонь, пока танкисты не разглядели, где он запрятался. Несколько прямых попаданий заставили его замолчать.

Дорога на Дуклинский перевал была открыта. За этот бой Нина в числе немногих советских солдат и командиров, была награждена чехословацким правительством Дукельской памятной медалью или, как тогда говорили: «За Дуклю».

Настоящие бои, упорные и кровопролитные, начались за перевалом. Бои велись за перевалы, господствующие высоты, главные дороги. Немецкое командование подтянуло резервы, да и восстание словаков начало угасать из-за кровавого террора, какой развязали по всему краю немецкие войска.

Только в конце года танковую бригаду отвели в резерв Ставки верховного командования. Через месяц бригаду, укомплектованную новыми танками и личным составом, перебросили на участок наступающих войск западнее Сандомира.

В наступательных боях танк Нины Бондарь прошёл, прокладывая огнём и гусеницами до-

рогу пехоте. От Сандомира до Ченстоховы, по Домбровскому угольному району на Фрейштадт — Гольдберг — Ауер и уже с другой стороны, с севера, принял участие в освобождении городов Троппау, Морава — Островска. Тут вместе с товарищами отсалютовала Нина в честь Победы из танковой пушки, выпустив снаряд в сторону Берлина.

В конце войны Нину наградили орденом Красного Знамени. Ходили слухи, что якобы командир бригады писал представление к высокому званию Героя Советского Союза. Но командование посчитало, что будет достаточно ордена Красного Знамени...

Нина приходит в себя от воспоминаний, услышав громкий голос Клавы:

— Через пять минут будем садиться!

В окно показывается до боли знакомый аэродром.

Клава легко садит самолёт.

— Вот ты и дома. Я прилечу через три дня. Не опаздывай.

— Хорошо, — отвечает Нина, и они крепко обнимаются.

Нина выходит из самолёта и направляется к машине, куда загрузили почту, прилетевшую вместе с Ниной.

Дорога на почтамт проходит мимо дома Нины.

Вот и родной дом. Чувство радости охватывает Нину, сердце учащённо бьётся в груди. Рывком открывает калитку. Мама с бабушкой копаются в огороде.

— Мама, бабуля! Я вернулась!

Нина бросается в объятия своих близких. Слезы радости не дают никому произнести ни слова. Так они стоят несколько минут, и только скрип калитки заставляет их оглянуться.

— Нина! Я, как и обещал, нашёл тебя.

В проёме калитки стоит тот самый сержант-пехотинец — Пётр Ширяев.

— Кто это, Нина?

— Это мой жених, — краснея, отвечает Нина...

